

**Анатолий
Санжаровский**

Сатира Юмор

*Переводы
с украинского, белорусского,
польского, немецкого*

Анатолий Никифорович Санжаровский

Сатира, юмор (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13230599
Сатира, юмор (сборник): Книга по требованию; Москва; 2014
ISBN 978-5-519-02705-2, 978-5-519-02616-1

Аннотация

В одиннадцатый том Собрания сочинений в шестнадцати томах московский писатель Анатолий Санжаровский собрал все свои переводы с украинского, белорусского, польского, немецкого. Раньше эти переводы печатались в «Литературной газете» («Клуб 12 стульев»), в «Литературной России», в «Крокодиле», в «Смене», «Неделе», в «Независимой газете» (приложение «Экслибрис») и в других газетах и журналах.

В книге опубликованы рисунки О. Верещагина, К. Зарубы, А. Арутюнянца, А. Разумовой, В. Коваля, В. Чечвянского. Большую помощь в поисках архивных материалов автору переводов оказали главный редактор газеты «Ахтырка» Игорь Кириенко, заведующая библиотекой в селе Грунь Сумской области Татьяна Сокол, заведующая отделом «Украиника» харьковской научной библиотеки имени В. Г. Короленко Надежда Полянская и научная сотрудница харьковского литературного музея Ирина Сальник.

Содержание

В. М. Чечвянский	5
Василь Чечвянский, или Зачем Ильф и Петров приезжали в Харьков	6
Предисловие	6
Василь Чечвянский	18
О себе	18
Ну и времена...	21
Пивная история	24
Мягкий характер	26
Принципiallyно	28
Объект	31
Два девяносто	33
Иностранный язык	34
Ответственность момента	35
В бане	35
И тут революция!	36
Разочарование	37
Про удочку, рыбку и вообще	38
Некоторые советы для начинающих	40
Как поймать много рыбы	41
«Оскудение»	41
Когда будут крематории	43
Кино на селе	44
Конь в воздухе	45
Международное положение	46
Подход	47
Как я стал хулиганом	49
Неужели?	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анатолий Санжаровский

Сатира, юмор (сборник)

Заговори сегодня воронежский степняк с чистокровным запорожцем – вряд ли поймут в доподлинности друг друга с первых глаз, а вот крючковатые слова, живописно перекрученные судьбой вдали от днепровской сини, непременно расколдуют союзом, уяснят себе тот же час; зато манера слушать, лучезарно светясь и сияя и загодя в искренности радуясь каждому звуку, каждому жесту рассказчика, зато манера говорить, говорить пленительно-певуче, доверительно-мягко, говорить светло-доброжелательно – Боже праведный, да все это духом сполна выкажет родство, хоть и разделенное пропастью веков.

Мне почему-то кажется, всяк говорящий на украинском не горазд на злое, настолько младенчески чист этот язык. Холодный ум скажет – вздор, я перемолчу, я ничего не отвечу, но в мыслях я еще с большим убеждением встану на сторону своих слов, а отчего – я и себе не объясню.

Анатолий Санжаровский

В. М. Чечвянский Радостная параллель избранное

К 125-летию со дня рождения В. М. Чечвянского (1888–1937).

Вас. Чечвянский

В «Избранное» вошло все лучшее, что написал «Колумб украинского юмора и сатиры» Василь Михайлович Чечвянский, которого по праву считают украинским Зошенко.

Книга вышла в свет на средства московского писателя и переводчика Анатолия Санжаровского.

Василь Чечвянский, или Зачем Ильф и Петров приезжали в Харьков

Предисловие

Василь Чечвянский и Остап Вишня.

Между ними много общего. У них одна подлинная фамилия – Губенко, – потому что они родные братья. Оба сатирики-юмористы.

Классики украинской литературы.

Василь Михайлович Губенко родился 28 февраля (12 марта по новому стилю) 1888 года на хуторе Чечва (Полтавщина). Отсюда и псевдоним Чечвянский.

Под хутором Чечва

Эту «слабость» он позаимствовал у младшего брата, у Павла Михайловича, первый псевдоним которого был Грунский (по местечку Грунь, близ которого родился в том же хуторке Чечва).

Как писал Вишня, ходило много кривотолков среди родственников о его появлении на свет божий. Одни твердили, что его нашли в капусте, другие авторитетно уверяли, что его принёс трудолюбивый аист, третьи клялись-божились, что его достали из колодца, когда поили корову Оришку. Павлуша подрос, огляделся и храбро выдвинул свою версию о рождении, которой упрямо придерживался всегда. Утром и вечером. До обеда и после. Родился он ночью 13 ноября 1889 года. Вскоре взялся за пастушьё учение, поскольку «очень рано начиналась учеба на селе. Первая наука – это гуси. Высший курс – это свиньи».

Несмотря на эти крестьянские университеты, братья росли живыми и любознательными. Помогали родителям по хозяйству, ездили верхом на лошадях, бегали в лес по орехи, летом купались на речке и удили рыбу...

Сыновья крестьянина по образованию военные фельдшера. Учились в одной киевской военно-фельдшерской школе. После ее окончания Василь экстерном сдал в Харькове экзамены за восьмой класс мужской гимназии.

В семье приказчика полтавской помещицы фон Рот, отставного солдата Михаила Кондратьевича Губенко, прослужившего в русской армии 20 лет, было 17 детей.¹ Жену звали Параска (Прасковья) Александровна. В девичестве носила фамилию Балаш. До замужества жила в соседнем селе Вязовом.

¹ Дети были одаренные. Олена закончила в Киеве музыкально-драматическую школу композитора Лысенко и стала певицей. Владивостокский музыкальный мир долгие годы наслаждался ее обворожительным, виолончельным пением. Константин, последний ребенок в семье (вверху на отдельном снимке рядом с собой в детстве), играл во Львове, в Национальном академическом драматическом театре им. М. Заньковецкой. Снялся в семи фильмах, в том числе и в комедии «Ни пуха ни пера», сценарий которой был написан по мотивам охотничьих рассказов Остапа Вишни, родного брата. Катерина 35 лет преподавала в школе. Удостоена звания заслуженного учителя Украины.

После Остап Вишня вспомнит:

«... родители были ничего себе люди. Подходящие. За двадцать четыре года совместной их жизни послал им Господь всего-то семнадцать детей, ибо умели они молиться милосердному... Появился я на свет вторым. Передо мной был первак, старший брат, опередил меня года на полтора».

Был это Василь. На снимке он с длинными черными волосами, стоит рядом с матерью.

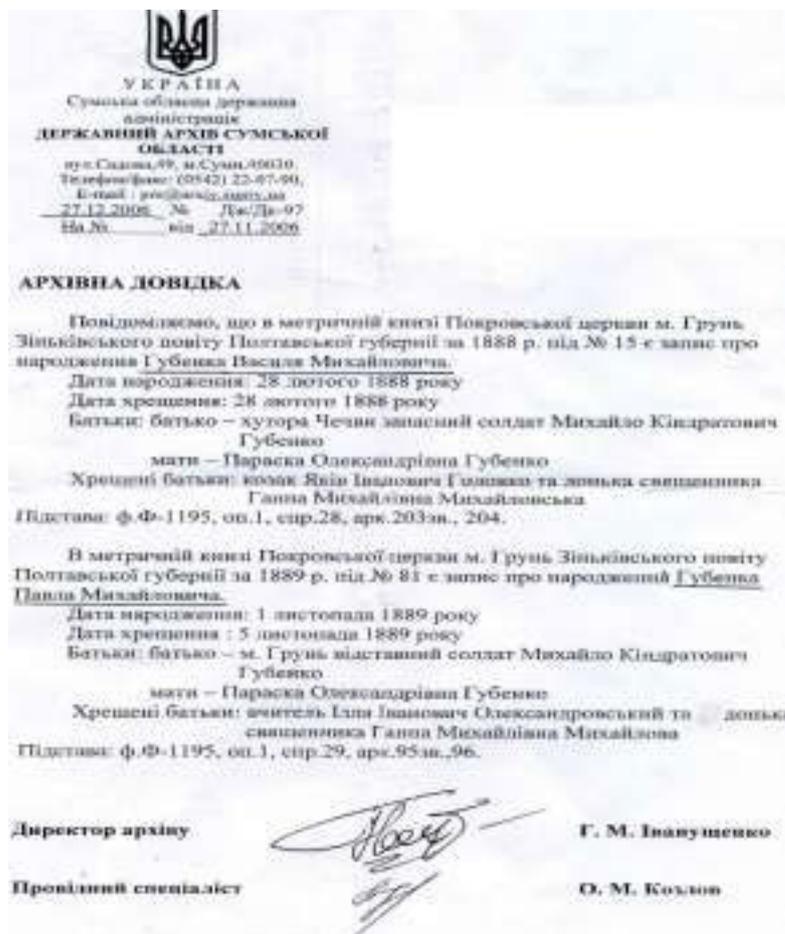
Отец

Мать

Василь Чечвянский в восемнадцать лет начал работать в военных госпиталях, участвовал в Первой мировой войне. В 1917 году перешел на сторону революционно настроенных солдат.

В гражданскую войну – интендант Первой Конной армии. После возглавлял в Ростове-на-Дону санитарную службу Северо-Кавказского военного округа.

Справка

Первые его сочинения были опубликованы в газете – «Советский Юг» (Ростов-на-Дону). В 1924 году Чечвянский демобилизовался. Вернулся на Украину и занялся литературной работой.

Василь играл на пианино.

Когда его раз спросили, где он научился играть, ответил, смеясь:

- Так я ж вырос при дворе.
- Каком? Царском?
- Колхозном!

Василь был очень популярен и красив. И это не прошло бесследно. Ему плеснула в лицо кислотой одна безответно влюбленная в него шизофреничка. Этот несчастный случай стоил ему дорого. Глаза. Пришлось постоянно носить черную повязку.

– После ареста Остапа Вишни в декабре 1933 года, – рассказывал мне Виктор Васильевич Губенко, сын Василя Михайловича, – отца перестали печатать. Семья начала бедствовать. Отцу не давали работать. Он даже не мог под своим именем опубликовать хоть

строчку. Все написанное отдавал друзьям, и те, напечатав его фельетон или статью за своей подписью, гонорары отдавали отцу. За отцом установилась постоянная слежка. Отец даже в шутку говорил маме: «Теперь я никогда не потеряюсь! Выглянь, шпик токует под окнами. Всегда провожает на работу, встречает с работы. Теперь я и под машину не могу угодить. Я всегда под надежной опекой!»

И в это время...

Тут нельзя не привести строки из книги Натальи Шубенко «Неизвестный Харьков»:

«К середине 30-х романы Ильфа и Петрова были переведены на множество языков – редкий случай популярности при жизни. Среди них есть и столь экзотические, как румынский, хорватский, македонский и даже хинди. Отсутствовал, как ни парадоксально, перевод... на украинский. Пытаясь решить эту проблему, Ильф и Петров в 1936 г. вновь приезжают в Харьков на встречу с писателем Василем Чечвянским. Увы, работе не суждено было осуществиться: через несколько месяцев украинского писателя арестовали и расстреляли как «врага народа». Впрочем, и сам Ильф держал наготове сумку с двумя сменами белья.

А первому изданию ильфо-петровского романа на украинском языке суждено было появиться на свет лишь спустя 35 лет после этой встречи».

«Опекунство» органов длилось до 2 ноября 1936 года, когда Чечвянского арестовали.

Во время следствия жена Надежда Михайловна как-то исхитрилась добиться свидания с Василем Михайловичем. Его вид напугал ее. Был он в синяках, изможденный. У нее с болью вырвалось:

– Вася! За что они тебя так?

– Мне, Надя, шьют литературные ошибки... Бьют каждый день...

Но литературные ошибки – это всего-то лишь туманный фон. На самом же деле из него выколачивали признан в причастности к какой-то украинской контрреволюционной националистической фашистско-террористической организации.

Под побоями человек ломался и начинал «признаваться», наговаривать на себя и на близких.

14 июля 1937 года писателю был вынесен смертный приговор.

В протоколе закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в тот же день записано:

«Подсудимый ответил, что виновным себя не признает. От своих показаний на предыдущем следствии отказывается, поскольку дал их под нажимом следствия... Подсудимый заявил, что показания не соответствуют действительности... В последнем слове ничего сказать не пожелал...».

На следующий день, 15 июля, Василя Михайловича расстреляли в Киеве. И лишь в октябре 1938-го семье сообщили о его смерти... от болезни сердца. (!)

15 августа 1937 года появляется оперативный приказ № 00486 наркома внутренних дел СССР:

«С получением настоящего приказа приступить к репрессированию жен изменников родины: имеющие грудных детей немедленно отправляются в лагерь без заезда в тюрьму вместе с детьми, откуда дети при достижении 1–1,5 лет передаются в детские дома НКВД.

Арестованные дети комплектуются по группам так, чтобы в один и тот же детдом НКВД не попали дети, связанные между собой родством или знакомством.

При аресте жен их дети старше 1–1,5 лет изымаются. На каждого ребенка старше 15 лет заводится следственное дело, и дети направляются в детские приемники отделов трудовых колоний НКВД.

Имущество арестованных жен конфискуется, квартиры опечатываются. Операцию закончить до 25 октября 1937 года».

Жену Надежду Михайловну – она служила медсестрой еще в Первой Конной армии у Буденного – «уложили» в срок. Ее арестовали 3 октября 1937-го как члена семьи врага народа, а детей, двух малолетних сыновей Павла и Виктора, упекли в детприемник при тюрьме, где она сидела, ожидая суда.

В квартиру же Чечвянских со всем их имуществом барином въехал мозолистый чмырь из НКВД.

А Павла и Виктора упрятали в мелекесский детдом НКВД на Волге.

Надежда Михайловна получила восемь лет «отдаленных лагерей». И когда ее везли товарняком по этапу в сибирскую глушь, она оторвала от простыни кусок и химическим карандашом написала на нем письмо. На одной станции она кинула в толпу на платформе эту завязанную в узелок тряпочку с адресом сестры Лидии Михайловны, жила в Ростове-на-Дону.

Добрая душа отправила это тряпичное письмо Лидии Михайловне уже в обычном конверте.

В письме была одна мольба: «Сеструшка! Спасай моих сыновей! Забери сынков из каторжного детдома к себе».

Лидия Михайловна была знакома с женою Максима Горького. В Москву и подалась Лидия Михайловна. И Екатерина Пешкова разузнала, где находятся Павел и Виктор. Помогла Лидии Михайловне забрать племянников из Мелекесса.

Павел и Виктор стали жить у нее. Началась война. Павел – он был старший – ушел на фронт. Матери он так и не увидел. А Виктор, ставший потом водителем, дожил у тети, пока не вернулась из тюрьмы мать.

Я первый, кому удалось собрать в одну эту книжку еще не известные русскому читателю рассказы и юморески двух родных незаконно репрессированных братьев-погодков – Василя Чечвянского и Остапа Вишни.

Сама же Лидия Михайловна позже сгинула в лагерях неизвестно где...

Павел храбро сражался.

Молодым погиб в бою за родной Харьков.

В 1957 году Василия Михайловича и Надежду Михайловну полностью реабилитировали. Надежда Михайловна жила в Харькове, умерла от туберкулеза.

Остап Вишня был в двадцатые годы самый популярный на Украине писатель. «Гоголь Октябрьской революции» – так называли его тогда.

Однако на него сфабриковали дело. Обвинили в причастности к несуществующей контрреволюционной украинской военной организации и в подготовке покушения на жизнь высокопоставленного парторботника, секретаря ЦК КП(б)У П. Постышева. И целые десять лет, с 1933-го по 1943-й, провел Вишня в печорских лагерях.

По словам внучки Марьяны Евтушенко, *«повод для ареста был, мягко говоря, странный – терроризм. Якобы юморист с товарищами готовил покушение на известного партийного деятеля Павла Постышева. Обвинение было настолько нелепым, что на допросах в НКВД писатель не смог удержаться от шутки: «Почему бы вам не обвинить меня и в изнасиловании Клары Цеткин?» По иронии судьбы, через несколько лет сам Постышев был объявлен врагом народа и приговорен к высшей мере наказания. И, по семейной легенде, Вишня вновь не удержался от иронии, дескать, я же первый хотел его расстрелять! Но это было через несколько лет, а в начале срока юмориста едва самого не поставили к стенке. По рассказам очевидцев, а может, просто байка такая, писателя спас псевдоним. Приказали ликвидировать Остапа Вишню, а заключенный по документам был под настоящей фамилией и именем – Павел Михайлович Губенко. Впрочем, родные скептически относятся к этой версии и рассказывают историю о том, что деда спасли морозы, которые сковали реку Печору. Пароход с арестантами долго не мог пробиться к порту назначения. И пока арестанты шли по этапу, начальника лагеря успели снять с должности и расстрелять, а приказ о расстреле Вишни счастливо потерялся».*

Писатель был реабилитирован.

А до этого...

В январе 1927 года в Харькове начал издаваться первый на Украине журнал политической сатиры «Червоний перець». Среди его основателей и сотрудников оба брата. Василь много писал. Свои юморески сам и иллюстрировал. За год журнал завоевал широкую популярность. Наивысшим моментом празднования годовщины было торжественное надевание штанишек юбиляру. Дескать, подрос младенец, пора и штанишки носить.

Карикатурист дружески представил читателям этот момент. Тут мы видим и братьев. Они рядом.

О них сказано:

«Остап Вишня. Редактор «Червоного перця». Женат. Бывший блондин. Охотник. Недавно с ним произошло чрезвычайное происшествие: застрелил зайца. Ей-богу! Но это злодеяние никак не подействовало на его (не зайца, а Вишни) мировоззрение. Чувствует себя бодро даже тогда, когда к нему приходят представители всех украинских газет и журналов и говорят: «Дядя, дайте фельетон! Ну хотя бы вот такусенький. Дайте же!»

Юморист, но в последнее время начал прятаться. Причина – «Дайте же!»

Василь Чечвянский. Шахматист и юморист. Талантливый шахматист среди юмористов и талантливый юморист среди шахматистов.

Секретарь редакции, но еще не битый. Любимые выражения: «Не пойдет!», «Пойдет», «Товарищ, зайдите завтра». Пишет много. Самое выдающееся его произведение такое: «Выписывайте «Червоний перець». Подписная плата на месяц – 30 копеек, на шесть месяцев – полтора рубля и на год-три».

В годовщину пятилетия журнал снова представил читателям своих сотрудников:

«Уважаемый читатель, насколько «Червоний перець» его изучил, прочитав заголовок фельетона, сразу опускает глаза на подпись. Кого бить? А подпись редко бывает членораздельной.

Всегда она складывается из двух-трех букв: «М. Б.», «Бона», «О. В.». Так дальше нельзя. Читатель должен знать, кто его враг, извините, автор, и я ему покажу. День пятилетнего юбилея я отмечаю полной ликвидацией обезлички.

Подписи: Вас. Грунский, Чечь, Вас. Ч., В. Ч., Чиче, Чиче, Чечь, Чечвянский-Колумб, Василь Чечвянский-Колюмб, Чиче-Рон и др. скрывают известного юмориста Василя Чечвянского. Этот автор прячется за псевдонимами с одной целью – утаить от жены подлинную сумму литгонорара.

«О. В.», «В.» – подписи тоже известного юмориста.

В восстановительный период этот известный юморист имел псевдоним Остап Вишня, но в пору реконструкции отказался от него и приобрел себе реконструктивный псевдоним «О. В.».

Веселым, острым, злым своим словом братья служили народу, боролись за его идеалы.

Незадолго до кончины Вишня записал в свой дневник:

«И если мне за всю мою работу, за все то тяжкое, что пережил я, посчастливилось хоть разочек, хоть на минутку, на миг разглядеть морщинки на челе народа моего, весело заискрить его глаза – никакого больше гонорара мне не надо.

Я – слуга народный!

Я горд этим, я счастлив этим!»

Какие отношения были между братьями?

Как Вишня смотрел на Василя Чечвянского?

По словам Ю. Мартича, Остап Вишня не только любил его как брата, но и высоко ценил как соратника по жанру.

– У моего Василя только один глаз, – говорил он. – Но видит он тем глазом остро.

За короткую творческую жизнь Василь Чечвянский выпустил семнадцать книг. Его книги тоже были наказаны. Долгие годы они отбывали свою Колыму в библиотечных спецхранах. Для перевода страшно мне было в Российской государственной библиотеке брать в руки книгу с черным туполобым квадратным спецхрановским штампиком. И еще страшной сознавать, что ее более полувека никто не открывал: поверху листы не разрезаны.

Репрессированный сам за четыре года до рождения, а после, через 62 года, реабилитированный, сперва я перевел *непроходного* Василя Михайловича для себя.

Я обошел несколько московских издательств и везде – отказ. А в «Библиотечке «Крокодила», которую возглавлял заместитель главного редактора журнала «Крокодил» Алексей Ходанов, и вовсе свертелся казус.

– Ваша рукопись пропала, – полуубито сказал однажды он мне. – Исчезла!

– Как она могла исчезнуть? Я же вам ее из рук в руки передавал. Что, марсиане выкрали почитать Чечвянского?

Рукописи не горят. Могли бы еще они слышать и говорить, и тогда б рукопись моя рассказала, что она невольно подслушала этот разговор, лежа в неудобной вульгарной позе на полу между столом и стеною. Всего в четверти от гордо блестящих штиблет на ногах вышешпоименованного дорогого субъекта Российской Федерации.

Я принес копию рукописи. Вдобавок вскоре Ходанов сам наткнулся на свою пропажу. («Понимаешь, негодница, завалилась и молчит!») И все равно от этого моя рукопись не «заговорила», не стала книжкой.

А отпустя четверть века все-таки я издал свои переводы «Колумба украинского юмора и сатиры» Чечвянского «Ответственность момента» в «Библиотеке «Огонька» № 27 за 1990 год. Спасибо, поддержал Виталий Коротич, который в то время был главным редактором журнала «Огонек».

Приятно сознавать, что я выхватил из небытия репрессированного и лишь посмертно реабилитированного Василя Чечвянского, этого украинского Зоценко, и первым подал его русскому читателю.

В Харькове на доме, где жили братья, установлена в их честь мемориальная доска.

У этого предисловия горькая судьба.

3 мая 2011 года я отправил его электронкой Ларисе Ившиной, главному редактору всеукраинской газеты «День». По предложению редакции я сократил очерк до одной газетной полосы. Мне духоподъемненько сообщили, что материал выйдет 23 сентября.

Да снафтогазили.

Обіцяв пан кожух, та слово його тепле.

На 24 сентября были назначены нелегкие газовые переговоры между Россией и Украиной. Наверное, в «Дне» учуяли, что халявные русские шлюзы не откроются, из-за которых, как я предполагаю, материал в газете так и не появился?

Мне доподлинно известно, что Василь Михайлович Чечвянский «невыгодных» газовых контрактов в 2009 году **не подписывал**. На то была Юлия Тимошенко, творения кото-

рой суд оценил в семь лет колонии. Как шутят на Украине, «Тимошенко получила семь лет тюрьмы, а «проффесор»² Янукович – семь лет геморроя».

Так почему тогда из-за газа пострадал за компанию с Тимошенко и Чечвянский, великий сын Украины? Правда, их несколько «роднит» лишь то, что каждый в разное время сидел в одной лужьяновской тюрьме.

Была блестящая возможность исправить положение. Появился прекрасный информационный повод для публикации. Подбегало второе ноября. Ровно 75 лет назад, 2 ноября 1936 года, был арестован Василь Чечвянский. К этой трагической дате как не дать материал о писателе-мученике?

Дорога ложка к обеду.

Да... Ложки почему-то выдали до поры и неожиданно на ковыль-костыль, кое-как «отобедали» 21 октября, в самый канун события в судьбе писателя. Почти полгода очерк мариновали и за две недели до трагической круглой даты вдруг напечатали. Подложили москвичу экую свинью! Или это от избытка сала на Украине?

И пришлось писать в редакцию такое письмо.

Мне стыдно за газетный материал о Чечвянском под моей фамилией. Я такого материала в «День» не посылал. Это уже в редакции так его «усахарили».

Первое. Почти на две трети материал урезали. Зачем? Во имя чего? Почти полвека я собирал факты из жизни Василя Михайловича. А тут походя какая-то вумничка в один присест выплеснула из очерка на свой вкус львиную долю фактов и никаких дорогих прений.

Если редакция взялась кромсать уже согласованный с нею материал члена Союза писателей, так окончательный изуродованный вариант **обязана** была согласовать с автором. И тогда бы я отказался от публикации.

Второе. К материалу я прикладывал портрет Василя Чечвянского с его автографом. Почему выбросили фото Чечвянского и без моего ведома сунули в материал фото Вишни? Или в редакции никак не могли отличить Чечвянского от Вишни? А если уж отличили, так и надо было ставить портрет Чечвянского. А то очерк о Чечвянском, а портрет – Вишни! Очень весело? Ну прямо для крокодильской рубрики «Нарочно не придумаешь».

Московские украинцы хохочут, требуют от меня объяснений. А я ничего не могу им сказать. Понимаете, у меня нет слов. Может, эту катавасию вы им объясните через газету?

Третье. Почему материал зачихнули под рубрику «Почта»? Чтобы замять и вообще всерьез не отмечать в газете дату важного события в жизни писателя? Повторяю, я полвека собирал материал о Чечвянском, и что, все эти полвека мечтал начирикать письмишко в «Почту» «Дня», которого еще 15 лет назад не было в живых? Не мечтал. И письмо полвека не пишется.

Четвёртое. Дорога ложка к обеду. И когда у нас «обед»? Второго ноября. Ровно 75 лет со дня ареста Василя Михайловича. Сначала почти полгода мариновали, не давали материал. А тут и подкати времечко «обеда». Пошло вроде по-людски. Двенадцатого октября мне сообщили:

«Мы приложим максимум усилий, чтоб текст вышел 2 ноября. Спасибо.

„День“»

Наверно, слишком много сил бухнули. Переборзили. Выскочил материал 21 октября. За две недели до трагической даты. Досрочно. Как в советские времена досрочно сдавали объекты в эксплуатацию. Ну тут-то зачем? Что можно придумать нелепей? Ну прямо

² Донецкий заочник В. Янукович в графе «Ученое звание» анкеты кандидата на должность президента собственноручно указал: «проффесор». Это слово стало на Украине крылатым, как и высказывание Януковича об «известном украинском поэте Чехове». («Свободная пресса». 20 апреля 2012).

валенком в суп! Какой нормальный человек отмечает событие за две недели перед самим этим событием? Это называется, океан переплыл, а на берегу утонул. Так к чему эта спешка? И случайна ли эта спешка?

Кислая епера не все ли та же? Смазать, замаять событие? Вроде и отметили, а вроде ж как и не отмечали. Отыгрались изуродованной в редакции заметулькой. Но дорожную галочку добыли-с.

Я писал не по заказу. Заказ – это принудилровка обязательством, рублем. Я же писал о Чечвянском по приказу своего сердца, своей крови, которые помнят, что мои далекие предки по линии отца корнем с южной окраины России.

Очерк этот – дань глубокого уважения к памяти великого украинца. И как соотечественники в «Дне» отнеслись к Чечвянскому? С уважением?

Насколько я знаю, пока не возбраняется иметь мужество исправлять свои ошибки.

Если в «Дне» действительно чтят память писателя, так надо с уважением и отнестись к 75-летию В. М. Чечвянского. Надо второго ноября целиком дать мой уже согласованный с редакцией, выверенный материал, дать безо всяких купюр. Только это и докажет уважительное отношение к памяти великого соотечественника.

Молчание было мне ответом.

А дальше...

А дальше было сплошное киевское молчание...

Как обычно, «День» дублируется в интернете. И снова пришлось мне писать в редакцию:

*«В интернетовской копии моего материала о Чечвянском нужно **срочно** убрать фото Вишни и на это место вставить фотографию В. Чечвянского с его автографом. Это хоть несколько срезет поток издевательских насмешек».*

Редакция не посчиталась с моим мнением.

Тогда по моему требованию материал был убран из интернета.

Что и говорить, отнесли в киевском «Дне» к своему великому соотечественнику непорядочно.

«День» напечатал два моих больших материала, напечатал нашармака, не заплатив ни копейки. Оказывается, чтобы получить разовый украинский гонорар, надо прописаться и трудоустроиться в Киеве. Что за хреновня?

Ну черт с ними, с гривнами.

Я их никогда не видел. И не жалею.

Меня беспокоит вот что.

Лет пять назад в интернете не было даже упоминания о Чечвянском. Очерк о нем и его фотографию я отправил в киевский биографический банк данных «Личности». Тогда и появились в интернете первый материал о Чечвянском, снимок с автографом, что я послал. К слову, позже из шести картинок о Чечвянском пять появились при моем старательстве.

Но почему дело с мертвой точки столкнул именно русский? москвич? Почему в Киеве до этого сами не доехали?

Я просил финансовой поддержки у сумского губернатора Чмыря Ю. П. Надеялся, что поможет издать книгу переводов рассказов Чечвянского, его земляка. Даже не ответил чинуша Чмырь. Не ответил на такую же мою просьбу и харьковский губернатор Аваков А. Б. В Харькове прошла почти вся творческая жизнь Василя Михайловича.

Насколько мне известно, за все пятьдесят шесть лет после посмертной реабилитации у В. Чечвянского вышли на Украине лишь две тощенькие книжечки. За последние сорок пять лет ни одной книги не издано на Родине.

Зато в Москве за последнюю четверть века вышли четыре книги его рассказов в моем переводе. «Радостная параллель» была третьей книгой. «Избранное». Я выпустил его к 125-летию В. Чечвянского на свои тоскливые пенсионно-инвалидные миллиардищи. Уцелевший русский репрессированный выдернул из забвения расстрелянного репрессированного украинца.

О чем все это говорит?

Вот и в «Дне» материал о Чечвянском напечатали до его трагической даты. Искорректировали очерк. И в газете, и в интернете в материале о Чечвянском дали... фото Вишни. Все это случайно? Все это не подчеркнутое ли неуважение к памяти великого украинца и комков грязи в сторону автора? Мол, под материалом стоит фамилия русского автора из Москвы, все это и падет ему на горб. А наше дело сторона.

Мне все же хотелось рассказать украинскому читателю о Чечвянском, и я послал очерк в писательскую газету «Літературна Україна». И тут отнесли к Василию Михайловичу не лучше. Дали материал под рубрикой «Биографии» за месяц до 75-летия со дня расстрела сатирика.

Поэтому двенадцатого августа 2012 года я написал лично главному редактору этой газеты Козаку:

Уважаемый Сергей Борисович, общепринято, что юбилейные материалы печатаются в юбилейные дни. Но очерк о В. Чечвянском вы дали за месяц до его 75-летия со дня гибели. Почему? К чему такая „изюминка“? Других авторов вы отмечаете вовремя. А почему к Чечвянскому такое непонятное отношение? Ну кто отмечает свой юбилей за месяц до юбилея?

Внагляк отбоярился гордой молчанкой и пан Козак.

Есть на Украине незалежники-самостийники, которые не могут спустить Василию Михайловичу Чечвянскому его доброжелательное отношение к России, к Русскому Слову.

Военная судьбинушка погоняла его в гражданскую по русским просторам. Служил в РККА. Литературную карьеру начинал в Ростове-на-Дону. Писал по-русски. Печатался в русской газете «Советский Юг»... Тесное знакомство с Ильфом и Петровым...

Вот и...

Да, подумать есть над чем.

*Анатолий Санжаровский,
член Союза писателей Москвы*

Василь Чечвянский

О себе

Василь Чечвянский – псевдоним.

Как и большинство революционно настроенных граждан нашей революционной Отчизны родился я до Революции на хуторе Чечва на Полтавщине.

Мне сейчас 45 лет.

По происхождению селянин.

Отец был селянином.

Я – сын селянина.

Мои дети – внуки селянина.

Когда я работаю, а дети мне мешают, я кричу:

– Селянс!³

Дети моментально утихомириваются.

Как видите, в воспитании нашей смены я применяю селянские принципы.

Конечно, это нетерпимая однобокость.

Конечно, предпочтительней прибегнуть к комбинированным средствам, то есть рабоче-крестьянским.

Тем паче, очень люблю все, что рабоче-крестьянское: рабоче-крестьянскую власть, рабоче-крестьянскую инспекцию. Я б любил и рабсельтеатры, но это очень трудно. Их нет, их только создают.

Кроме того я люблю современность.

Я просто влюблен в нюю.

С привычками проклятого прошлого покончил давно и бесповоротно.

Уверяю, когда у меня бывают гости, я никогда не скажу:

– Давайте пить чай.

А скажу:

– Есть предложение пить чай. Кто за – прошу поднять руку.

Если на улице кто дебоширит, я ни за что не скажу:

– Эй, вы там! Ну-ка! Без хулиганства!

Нет. Я скажу только так:

– Товарищи! Будьте в конце концов сознательны. Мы накануне построения бесклассового общества, а вы нарушаете тишину и покой, мешаете нормальному уличному движению в то время, когда пролетариат напрягает, а буржуазия заостряет.

³ Селянс (от фр. *силянс*) – тихо. (Стало тихо – le silence s'est fait.)

Вообще от меня несет современностью.

Когда мой сын приходит из школы, я не спрошу его, как спрашивал меня мой несомременный отец:

– Что, снова батюшка по закону божьему коляку водрузили? Иди-ка сюда, сукин сын, дай-ка я тебе космы повытрясу!

А спрошу:

– Ну-ка рапортуй об очередном достижении. Зад⁴ или незад?⁵ Снова незад заработал? Иди-ка сюда, дезорганизатор, я тебе покажу, как без зада домой приходиться!

Как видите, в личной жизни я вполне современный человек.

И в общественной.

Когда я прихожу на почту или в страхкассу и вижу, что у нужного мне окошка очередь, я непременно скажу:

– Кто последний? Я за вами.

А потом уж спокойно выслушаю, как мне из окошка говорят прекрасным украинским языком:

– Не видите разве – перерыв! Не мешайте перерываться, гражданин!

Теперь относительно моей литературной работы.

Но не лучше ли, если о ней будут говорить читатели, критика, рецензенты?

Самому как-то неудобно.

А главное, боязно: еще какой-нибудь уклон у себя найдешь.

А со стороны видней.

Какой, например, в произведениях Чечвянского юмор: утробный, животный, беззубый, острый? Национальный ли по форме и пролетарский по содержанию? А? Мне тогда будет виднее, как перестраиваться, стоит ли пускаться на поиски реализма, или, может, не надо уже искать реализм, может, он уже найден...

Критика очень помогает писателям.

Например, на одну мою одноактную комедию-шутку была такая рецензия:

⁴ Зад (овільно, укр.) – уд (овлетворительно).

⁵ Незад (овільно) – неуд (овлетворительно).

«Написано замечательно хорошо. Берет за живот до колки. Надо же и самокритикой бороться с неполадками. Есть и другой выход: выбросить вторую часть и вообще переделать шутку».

Ну вот видите. Прочтешь такую рецензию и сразу все тебе ясно, где хорошо, где плохо и какой выход.

Нет уж, пусть моей литературной работе дают оценку критики. Я всегда полагаюсь на авторитеты.

Проклятая привычка.

1933 год. Харьков.

Ну и времена...

Граждане!

Что ж это такое?! Дальше так нельзя, клянусь номером своего профсоюзного билета...

Не то, так то, а нет покою человеку.

Вчера, понимаете, пошел под вечер ради воскресенья в проходку, свежим воздухом дыхнуть... Погодка, знаете, морозец такой приятный. Встречаю своего знакомого.

– Что это вы, – спрашиваю, – Иван Калистратович, лето почуяли, что ли? Обрились так, будто завтра на дачу переезжаете. Рановато вроде...

– А! Это вы нащот шевелюры? Брился и буду бриться! Не дам ей, проклятушей, и на свет глянуть!

– Да что ж такое случилось?

– Что случилось? Газет вы, голубчик, не читаете. Вон что! Слыхали? В Ленинграде профессор Поляков изобрел способ по волосам отцовство определять. А у меня, знаете, судебное дельце сейчас с Катериной Тимофеевной по части алиментиков, знаете... Пока выкручивался, а теперь кто знает. Так я на всякий случай... Жаль, конечно. У меня ж, знаете, шевелюра ж была, Самсон, одно слово. Да ничего не поделаешь, спокойней как-то...

И побежал, фуражку почти на уши натянувши.

«Господи! – думаю. – Иван Калистратович... Такой волос! Даже голова треста Самсоном величал – и вот такое тебе...»

.....

– А куда это вы, товарищ, поспешаете и знакомых своих не замечаете?

Смотрю, незнакомый человек стоит усмехается.

– Простите, – говорю, – но я...

– Что? Не узнали Корнея Ивановича? Ай-ай! А еще приятель называется...

– Бож-же ж мой, Корней Иванович!? А борода? А усы?

– Э! Тю-тю, можно сказать, борода. Приказала долго жить. Преставилась, ленинградского профессора Полякова поминаючи... У нас, знаете, на той неделе деловодша наша Ольга Ивановна дочечкою разрешилась, так мы, как услышали, зашли, знаете, после работы коллективно, всем отделом в цирюльню и у кого что где росло – долой! А я, будучи, конечно, лысым, борода и усов теперь вот еще лишился. Хе-хе-хе! Береженого, как то говорят, и Бог... Хе-хе-хе! А то, знаете, борода есть – денежек нет, борода нет – денежки целы... Жеву-резон? Бывайте здоровеньки! Хе-хе-хе! И дочечка, говорят, картинushка. Носик, щечки... Зацелуй ее комар!..

Пошел и этот, подпрыгивая.

Что дается!

.....

Сел я в автобус.

Слышу, сзади разговаривают двое.

– Был я в Баку, на Кавказе. Там, знаете, по татарским баням глиной пользуют. Как обляпает тебя банщик глиною тою, так, верите, минут через пять на тебе ни волосинки! Даже с микроскопом не найдешь! Хар-рашо на Кавказе!

– Что мне твой Кавказ и глина! У меня еще вчера в Харькове судья для экспертизы волосинку вырвал, а ты мне сегодня про Баку поешь... Ни черта, брат, не поделаешь. Висит моя зарплата на волосинке!

.....

– Волосьяной переулочек – конец десятикопеечным билетам, – напомнил мне кондуктор. Вышел я из автобуса. Иду, а на углу возле пивной стоит компания. Один на гармошке шпарит и присвистывает на мотив «Яблочка»:

– Ой ты, милка моя,
Дарма ботаішь,
На лысом козле
Не подработаешь.

.....

Пришел домой. Дверь мне открыла хозяйская дочка Мотя.

– А я в вашей комнате книжку читала. Роман. Интересный. Но немножко не дочитала.

Дома никого нет, грустно как-то...

– Так, пожалуйста, дочитывайте... Прошу.

– А я вам не буду мешать?

– Что вы, Матильда Поликарповна. Да я... Да того... Очень рад, прошу...

.....

В двенадцатом Мотя пошла в свою комнату...

Раздеваясь, я глянул в зеркало. Мой английский пробор был слегка потревожен...

Что бы это значило?!..

Василь Чечвянский. Саратов. 1918. Сентябрь.

Пивная история (Одна из многих)

Тов. дежурный! Эти два гражданина в пивной «Новая Бавария» № 3126 завели драку, которая потом перешла в дискуссию разными словами, и вообще, когда я вошел в пивную, они крыли друг друга и никому не давали возможности высказаться ни «за», ни «против». Потому я и забрал их в район. Но раз они оба-два очень пьяные и не могут уже говорить речей, то я для освещения факта взял официанта.

.....
– Кто официант? Вы? Расскажите, как было дело.

– Сперва зашли они – это гражданин, значит... Сели. Вроде «парошник», то есть гость не больше как на пару пива.

Я подошел, они заказали: «Дай, говорят, мне для концессионного начала парочку». Сидят себе тихо. Потом заказали еще парочку, потом еще... Сосисок заказали порцию. А потом позвали меня и говорят:

– Нельзя ли, говорят, кооптировать мне для компании вон ту девочку, а то сидит одна за столиком без некоторого соучастия, будто эмиграция какая... Одному мне как-то грустнуето и труднуето довести полностью нагрузку до нормы.

А я и думаю, почему не сочинить хорошему гостю приятность, тем паче, что «на чай» у нас по плакатному меню не берут...

Подошел я к барышне и передал ей ихнюю, гражданина, значит, ноту.

А она:

– Я, говорит, ничего не имею против начать с ними конференцию, только боюсь, чтоб Гришка ее не сорвал...

А Гришка при барышне при той вроде за управделами жизни состоит.

А я барышне отвечаю. Гришка, говорю, ваш придет или не придет, а вы к тому времени, может, успеете с гостем и договор сложить. А гость, говорю, квалификации хорошей, не меньше как по пятнадцатому с нагрузкой.

Она и пересела за ихний столик.

Что уж они за столиком обговаривали, я достоинно не скажу, только гражданин в порядке обговаривания все: парочку да парочку... И вижу я, что «напарились» они. А барышня ведет себя с ними так, будто она бесприютное дите, так что гражданин окончательно раскисли и от волнения начали глаза бутербродом с икроу протирать.

А тут вдруг влетает в пивную Гришка – этот, значит. Пьяный и без некоторого этикету прямо к ним.

– Ты что, – кричит барышне, – так-перетак! Прослойка ты, кричит, межкляксовая! Путаешься? А ты (гражданину, значит), осколок старого режима, зачем ты раздуваешь огонь моего очага!? Я, может, триста лет на всех фронтах кровь проливал, прошел через загс к мирному сожительству, а ты, буржуйская твоя морда, к чужим женам коляски крутишь!..

Да как вдарит их по слуховому приемнику, так от неожиданки рядом за столиком один гражданин проснулся...

Ну и пошло у них, и пошло, аж пока тов. милиционер не вернули тишину и покой.

Больше ничего не могу добавить.

Пивная история

Украинский классик о самом насущном

75 лет назад был арестован классик украинской литературы Василь Чечвянский. Его творчество высоко ценили Ильф и Петров. Они дважды приезжали к нему в Харьков, уговаривали заняться переводом их сочинений на украинский. Но Василь Михайлович ничего не успел сделать. Он был расстрелян вскоре как враг народа. Посмертно реабилитирован.

Василь Чечвянский

– Товарищ дежурный! Эти два гражданина в пивной «Новая Бавария» № 3126 завели драку, которая потом перешла в дискуссию разными словами, и вообще, когда я вошел в пивную, они крыли друг друга и никому не давали возможности выска-

Подожел я к барышне и передал ей ихнюю, гражданина, значит, ноту.

А она:

– Я, говорит, ничего не имею против начать с ними конференцию, только боюсь, чтоб Пришка ее не сорвал...

А Пришка при барышне при той вроде за управделами жизни состоит.

А я барышне отвечаю. Пришка, говорю, ваш придет или не придет, а вы к тому времени, может, успеете с гостем и договор сложить. А гость, говорю, квалификации хорошей, не меньше как по пятнадцатому с нагрузкой.

Она и пересела за ихний столик.

Что уж они за столиком обговаривали, я достоинственно не скажу, только гражданин в порядке обговаривания все парочку да парочку... И вижу я, что «напари-

Я триста лет на всех фронтах кровь проливал и прошел через загс к мирному сожителству...

заться ни «за», ни «против». Потом я и забрал их в район. Но раз они оба-два очень пьяные и не могут уже говорить речей, то я для освещения факта взял официанта.

– Кто официант? Вы? Расскажите, как было дело.

– Сперва зашли они – это гражданин, значит... Сели. Вроде «парошник», то есть гость не больше как на пару пива.

Я подошел, они заказали: «Дай, говорят, мне для концессионного начала парочку». Сидят себе тихо. Потом заказали еще парочку, потом еще... Сосисок заказали порцию. А потом позвали меня и говорят:

– Нельзя ли, говорят, кооптировать мне для компании вон ту девочку, а то сидит одна за столиком без некоторого соучастия, будто эмиграция какая... Одному мне как-то грустновато и трудновато довести полностью нагрузку до нормы.

А я и думаю, почему не сочинить хорошему гостю приятность, тем паче, что «на чай» у нас по плакатному меню не берут...

лись» они. А барышня ведет себя с ними так, будто она бесприютное дите, так что гражданин окончательно раскисли и от волнения начали глаза бутербродом с икрой протирать.

А тут вдруг влетает в пивную Пришка – этот, значит. Пьяный и без некоторого этикету прямо к ним.

– Ты что, – кричит барышне, – так-перетак! Прослойка ты, кричит, межкляксовая! Путаешься? А ты (гражданину, значит), осколок старого режима, зачем ты раздуваешь огонь моего очага?! Я, может, триста лет на всех фронтах кровь проливал, прошел через загс к мирному сожителству, а ты, буржуйская твоя морда, к чужим женам коляски крутишь!..

Да как вдарит их по слуховому приемнику, так от неожиданки рядом за столиком один гражданин проснулся...

Ну и пошло у них, и пошло, аж пока товарищ милиционер не вернул тишину и покой.

Больше ничего не могу добавить. ■

Публикация и перевод с украинского Анатолия Санжаровского.

Мягкий характер

Я, товарищи, по природе своей очень жалостливый человек и характер у меня соответственный – мягкий характер, плохой характер. Я, например, не могу ударить животное – коня кнутом подживить или корову прутиком хлопнуть. Не могу... Ну, жалко. И из-за этого мягкого и жалостливого характера не люблю я животных. И не то, что не люблю, а сказать откровенно, – просто ненавижу. С моим характером любить животных нет никакой возможности! И собак не люблю, и кошек, и лошадей, и коз. И тигров тоже ненавижу. Правда, тигров я сроду не видел, но даю слово чести, встрень я случайно тигра, ей-богу, отвернулся бы и плюнул. Сказал бы: хоть ты и тигр, а отойди, я тебя не люблю.

А все из-за характера.

Да вот вам пример, почему я не люблю собак. Однажды иду я по улице. Гуляю. Весна – хорошо так. Солнышко светит, воробьи строительную кампанию проводят – гнезда созидают. Да. Смотрю, передо мной бежит сучечка рыженькая. Бежит себе, хвост кверху кинувши. Веселая такая сучечка, рыженькая. Вдруг, будто из-под земли, спец с утильзавода, или, по-современному, истребитель собак. С палкой. И таким ангелом к той, значит, сучечке: собачка, собачка, собачка... Сучечка, конечно, глупенькая, к нему, а он ее сразу хо-о-п!! И поволок. Жалко мне стало сучечку, характер же у меня жалостливый, паршивый характер. Надо, думаю себе, спасти животное, пропадет же. Я к спецу и говорю:

– А разве есть такой закон, чтоб хозяйских собак хватать? Сучечка моя собственная, товарищ!

– Ваша? – отвечает. – Очень приятно, что ваша. А почему же, гражданин, у вашей собачки нет на шее обязательного постановления окрисполкома? Без регистрации, сказать бы, собачка ваша?..

Достает из кармана свисток и сюр-р-р-р-р-р-р-р-р-р.

Ну а дальше как полагается.

– Тов. милиционер! Вот этой гражданин заявляет, что собака его. Значит, этой гражданин не выполняет распоряжение о беспризорно-собачьих шатаниях. Прошу составить протокол...

Конечно, пускай теперь хоть всех собак передушат на утильзаводе, я не вступлюсь. На такой характер, как у меня, никакой зарплаты на штрафы не хватит.

И кошек тоже видеть не могу. У моей соседки по квартире кошечка есть. Ундиночка называется. Серенькая такая, чистенькая кошечка и, понимаете, каждый день у моих дверей того... Верите, дня не пропустит. Конечно, если б на кого другого, поймал бы ту Ундиночку да об косяк потихоньку стукнул – и было б чисто у дверей. А я ж не могу – характер. Терпел я, терпел, но наконец не вытерпел. Зову как-то соседку и говорю:

– Гражданка, это ж невозможно. Вы ж прекрасно знаете, что я вашу Ундиночку не ударю и не убью. Так сжальтесь же. Каждый же день... – и пальцем на «вещественное доказательство» показываю.

А соседка мне:

– Я, – говорит, – товарищ, – вегетарианка и насиловать животное не буду... И дивно от вас, от интеллигента, такое слышать...

– Гражданка, я сам знаю, что я интеллигент, но вы только представьте, какой от тех кошек л'ориган?..

– Ну что ж, – говорит, – л'ориган или другой сорт, а Ундиночку я насиловать не буду...

– Не будете, – говорю, – так и я ж не буду, характер мой не позволяет руку на животное поднять, а тебя, гадюка, научу, как надо кошек к порядку приучать... – Да как выхватил у нее

из рук Ундиночку, да как начал волтузить соседку той Ундиночкой и по голове, и по спине. Насилу квартиранты водою разлили... Теперь, конечно, суд. Может, еще и в бупре⁶ придется сидеть. Ну что ж, и сяду. И посижу, а характер свой не сломаю. Не бил я сроду животных и не буду. А чтоб больше не страдать через свой жалостливый характер, решил я не любить животных. Пусть над ними другие издеваются. Хватит с меня и Ундиночки. Как вспомню, что двадцать пятого суд, так предлагай мне сейчас за три рубля целого слона – откажусь. Ей-богу, откажусь!

⁶ Бупр (будинок примусової праці) – дом принудительного труда.

Присутствующие увидели на стене написанный по-русски плакат «Разговаривать только на русском языке».

– Как общество относится к моему предложению?

– Согласен, согласен! Bravo! Хорошо! – зазвенели радостные голоса.

– Ну и штукарь же Иван Иванович – всегда что-нибудь придумает и правильно. К черту ту украинизацию – она и на службе надоела... Все те прилагательные и словари...

Гости выпили по одной, по второй, по третьей. Начался разговор.

– Бываете в театре? – спрашивает Ивана Ивановича его соседка, молодая блондинка с накрашенными до отказа губами.

– Бываю. Был вот на «Сэди»⁷ в «Березоли»⁸. Хорошая пьеса и играют хорошо! Ужвий, Крушельницкий... Вообще мне нравится.

– А в оперетке бываете?

– Были недавно с супругой на «Принцессе цирка». Ах! Татьяна Бах!..

– Я тоже была. Правда, прекрасно? Особенно балет. Я в восторге! Слава Богу, что хоть до оперетки не дошла та украинизация, а то ж понимаете...

– Они доберутся, будьте уверены... Будет и Татьяна Бах петь и танцевать украинским языком. Вот увидите.

– Товарищи! – послышалось с другого конца стола. – Мы ж договорились не говорить про украинизацию, а сам хозяин первый нарушает. Неужели нет другой темы для беседы? Иван Иванович, что вы...

– Миль пардон! Не буду! Извините! Степан Степанович, налейте всем, пожалуйста, да выпьем...

Все охотно выпили.

– А водка, знаете, ничего стала. Крепкая и недорогая, – говорит один из гостей. – И, знаете, совсем не жаль, что она украинизирована...

– А сколько там той украинизации? «Хлібне вино» вместо «хлебное вино», – говорит Степан Степанович, пожилой человек с пухом и в очках. – И вообще, господа, я заметил, что в деле украинизации питья ориентироваться довольно легко: «вино» и будет вино, «коньяк» – коньяк, «пиво» – пиво, «спотикач» – спотыкач, «ром» – ром, «барзак» – барзак, «Абрау-Дюрсо» – Абрау-Дюрсо...

– И действительно, – радостно подхватывает хозяин Иван Иванович. – И если б в других областях было так легко, то, уверяю, мы б все имели первую категорию. А то выпить легко, а закусить не очень. С закуской уже без словаря не обойдешься. Да я, например. Почему у меня вторая категория. Спрашивают меня на экзамене, как будет по-украински котлета. Я говорю «каклета». И, верите, только за это дали вторую категорию.

– Хорошо, что вторую, а я так еле третьей разжился и то благодаря тому, что в комиссии мой зять был.

– Между прочим, кстати. Это ваш зять выступает правозащитником на процессе про убийство проститутки бухгалтером Кандибобер-Треста?

– Мой.

– Ну как, думаете, оправдают?

– Навряд... Пролетарский суд, знаете, это такой суд, что знаете...

– А интересно, на каком языке идет судебный процесс? Неужели на украинском?

– Ну, конечно, на украинском.

⁷ «Сэди» – пьеса Сомерсета Моэма. Перевод с английского Корнея Чуковского.

⁸ Березиль – украинский театр-студия, основанный в 1922 году в Киеве, с 1926 в Харькове (ныне Харьковский Украинский академический драматический театр имени Т. Г. Шевченко). Сейчас название «Березиль» носит малая сцена этого театра.

– Господа! А как будет по-украински «прения сторон»? Степан Степанович, вы ж по первой категории...

– А-а, ерунда, – довольно отвечает Степан Степанович. – Будет... будет... «прения боків»...

– Граждане! Опять начали про украинизацию! А плакат? А уговор? Давайте лучше за хозяйку выпьем. За ваше здоровье, Нина Сидоровна! Господа! Под украинскую колбаску! Да здравствует и нечего про украинизацию! Хватит! Яков Платонович, а вы почему не пьете?

– Не х-х-хочу!.. Не ж-ж-ж-желаю пить хлібное вино!.. Ж-ж-ж-желаю по плакату... Ничего украинского, исключительно русское... Хватит... Хватит издеваться над моей личностью... Не ж-ж-желаю...

– Правильно, это я понимаю... Есть у человека принцип, и если б мы все так относились к делу, не было б украинизации, не было б измывательства. Эх-х-х! Беспринципильный мы народ! Неорганизованный! Ну и «терпим тяжкие муки», как поется в песне.

– А и вправду, господа, давайте запоем. Хором! Ольга Ивановна, начинайте!

Минут через пять униженная украинизацией компания во все горла драла песню «Реве та стогне Дніпр широкий», а принципиальный Яков Платонович, сорвав со стены плакат, выводил на нем карандашом: ««Розбалакувать віключно на російській мові»».

(Журнал «Червоний перець», № 3 за 1927 год.)

Василь Губенко в отрочестве.

Микроб, который вызвал украинизацию. Рисунок Василя Чечвянского

В поле зрения 27 000 000

**Объект
(Сценка на курорте)**

Ах! Уважаемые граждане союзных республик!
До чего хорошо, до чего ж радостно стало на свете жить!
И член ты профсоюза, и на собрания каждый день ходишь, и лозунги для тебя разве-
шивают. Все для трудящихся!

Хар-рашо!!!

А в «дореволюционном уровне», позвольте спросить, вы все это видели? Лозунги, кроме «Боже, царя храни», знали? Про тов. Семашка⁹ слышали? Про «Воду, Воздух, Солнце» представление имели? Физкультура вам снилась? То-то и оно.

Меняются, товарищи, времена, меняются. Даже не меняются, а просто мутантур¹⁰ с ними происходит, будь я трижды проклят.

Гадал ли, мечтал ли я, заурядный смертник десятого разряда без нагрузки, по Алушке в одних трусах ходить, в море купаться и под солнце свой корпус подставлять. Жарь, дожаривай!

И не думал, товарищи, и не гадал, а хоть и скажу, что думал – не верьте. Брешу. Брешу «в общем и целом», будь я трижды проклят.

Вот вы сейчас смотрите на меня и улыбаетесь. Думаете себе: выпил, пьяненький товарищ, пускай, мол, немножко поговорит...

Так-то оно так, да только ошиблись вы, товарищи!

Так, да не так.

Беспартийно-сочувствующий?

Снова не туда.

Объект я – вот кто мы такие!

Это врач наш санаторный так говорит. Вы, говорит, тов. Смычкин, – объект. Объект для наблюдений.

Спрашиваю товарища доктора, как такую квалификацию понимать надо?

Отвечает товарищ доктор. Это значит, что мы на вас, у которого верхушка, значит, не в порядке, тупость вроде найдена, наблюдаем, как санаторный режим действует. А по вас, говорит, и на других больных то же самое проделываем...

Что ж, говорю... Пожалуйста, проделывайте. Обрато, ничего не имею против. Раз я могу в пользу обществу стать, проделывайте, пока живой.

И получается: лежат себе хорьки в санатории и не подозревают, что среди них объект лежит.

А вы думаете, что я своим объектством задаюсь? Ничего подобного! Не такой я человек.

К чему это, раз кругом радость...

Водичка – мочит тебя, ветерок – сушит, солнышко – поджаривает. Хар-р-рашо!

Общество килограммов набирает, здоровье закаляет, чтоб с новыми силами непосредственное участие в новом строительстве принять на страх буржуазии и режима экономии.

А «мертвый час»? Гос-с-споди! Блаженства того, блаженства сколько! Лежишь себе вверх животом на кровати, желудок полон белков и углеводов и слышишь, как в тебе разносортные калории ходуном ходят... Химия-с!!

Смеетесь, товарищи? Что ж, посмейтесь. Смех тоже радость. А я не обижусь, не такой я человек.

Про меня даже женка моя Степанида Марковна говорит:

– И что ты за человек такой, Степа? Тебе хоть сразу всю бороду вырви, хоть по одной волосинке выдергивай – ты не обидишься.

А зачем? Не такой я человек, чтоб обидеться да еще когда кругом радость.

⁹ Семашко Н. А. (1874–1949) – советский партийный и государственный деятель, один из организаторов советской охраны здоровья.

¹⁰ Tempora metantur (лат.) – времена меняются. (Примечание переводчика.)

Ну, бывайте здоровеньки, товарищи. Купайтесь себе, закаляйтесь, а я пошел в санаторий обедать... И хоть смейтесь, хоть не смейтесь, а изменились времена – и жизнь теперь не жизнь, а радостная параллель!

Ну, пошел. Адье вам и курорт-привет!

Два девяносто

Примером, сегодня.

Прохожу я у ВУЦВКа,¹¹ а громкоговоритель на всю площадь:

– Газета, – говорит, – помогает нам усовершенствовать жизнь, газета, – говорит, – способствует нашему культурному развитию, газета – говорит, – это шестая держава...

И как начал, как начал расхваливать те газеты...

А под конец посыпались из трубы одни призывы.

– Граждане! – кричит. – Распространяйте газету! Выписывайте газету! Читайте газету!

Выходило, лучше газеты ничего нет на свете. Только выписывайте.

Я, конечно, как человек культурный не стану возражать, что от газеты пользы много. Пожалуйста, печку ли разжечь, стельку ли в сапог положить, окна ли завесить... Но чтоб от чтения газеты была какая выгода – извините. Пускай хоть в четыре громкоговорителя доказывают мне это – не убедят, потому, уважаемые граждане, как я из-за газеты пострадал, то теперь к чтению газеты меня никакими громкоговорителями не вернешь.

Недели три тому назад надо было мне к знакомым на Ключковскую.

Добро.

Сажусь на Павловской площади Розы Люксембург на трамвай. Разворачиваю «Вечернее радио» – за пятак купил, когда в очереди стоял, – читаю, еду.

Кондуктор, конечно: «Ваш билет». Даю три рубля, не было мелких. Дает кондуктор билет. «А сдачу, говорит, сейчас, гражданин, получите».

Хорошо. Еду, читаю про тройное самоубийство на Холодной Горе.¹² Интересно так пишут.

Слышу: вагон дальше не пойдет... Не заметил за чтением, как до последней остановки доехал. Слез с трамвая и пошел. Прошел с полквартала и вспомнил:

– Боже ж мой! А сдача? Два девяносто!

Моментально – обратный ход. Прибежал на остановку, трамвай стоит. К кондуктору:

– Товарищ, – говорю, – сдачу. Два девяносто! Сейчас ехал, забыл взять. Дал три рубля, а два девяносто, значит, сдачи...

А кондукторша мне и говорит:

– Какие, – говорит, – два девяносто? Даже странно. Я, – говорит, – вас, гражданин, не везла и трех рублей не брала. Вы ошиблись, – говорит. – Даже странно.

– Действительно, – говорю, – ошибся. Тот кондуктор был мужчина, а вы, извините, женщина. Но что ж делать? Посоветуйте ж, товарищ, пожалуйста. Два ж девяносто!

А кондукторша мне:

– Хоть нам, – говорит, – инструкция и не позволяет с пассажирами дискуссии разводить, но советую вам догнать предыдущий вагон. Он недалеко, на первой остановке стоит, и там кондуктор мужчина. Может, и деньги ваши у него.

Побежал.

¹¹ ВУЦВК – Всеукраинский Центральный исполнительный комитет.

¹² Холодная Гора – район в Харькове.

Догнал. Вскиваю. Кондуктору:

– Дайте мне, – говорю, – два девяносто!

А кондукторша (и тут снова кондукторша):

– По какому праву вы вымогаете два девяносто, если вы мне три рубля не давали...

Даже странно...

Тут я уже не выдержал:

– А по какому праву, – кричу, – вы женщина, если мне на последней остановке сказали, что вы мужчина? Как три рубля брать, так вы мужчина, а как сдачу, так вы женщина... Даже странно...

– Тогда, – говорит, – ослобонить, гражданин, сейчас же вагон и не мешайте нормальному движению. Мы таких субчиков знаем, хотите нашармака проехать.

Тут и пассажиры начали:

– Не задерживайте вагон.

Я, конечно, распалился:

– Не слезу, – кричу, – хоть зарежьте! Два ж девяносто!!

Ну, пассажиры все за кондукторшу, вагоновожатая тоже. Наконец – милиционер. В отделении еще три руб. припаяли. Значит, уже шесть. Да пятак, что за «Вечернее радио» заплатил.

Вот теперь, граждане, и рассудите, всегда ли польза бывает от чтения газеты.

Конечно, репродукторы всего этого не знают, а если б знали, то б меньше шумели.

А то крику, крику...

Даже странно!

1928

Иностранный язык

Теперь, товарищи, я своего сына каждый день буду лупцевать. Не учит, понимаете, иностранные языки. Так по наукам идет ничего и физкульт основательно знает, и

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!*

бойко запузывает. И вообще смена растет подходящая. А иностранные языки не учит. А это плохо. В наше время без знания иностранного языка жить трудно. На каждом шагу натыкаешься на какую-нибудь иностранщину: то заграничная делегация приедет, то в клубе тебе доклад читают. Да и в повседневной жизни без этого лиха не обойдешься.

Вот как-то в кино зашел. Последний боевик заинтересовал. Название такое иностранное – «Спиртак».

Думаю, надо зайти.

Зашел и сразу почувствовал, великое дело знание иностранного языка.

Заходя, значит. Жду. Демонстрировали еще первый сеанс, а я на второй.

Жду и «экселянс» закуриваю. Подходит милиционер и говорит:

– Курить тут низзя! Тут, – говорит, – хвое, а не вистюбиль. Платите, гражданин, три рубля штрафа для аннулировки конхлика.

– Извините, говорю, товарищ, я думал, что это...

– Никаких контрпромиссов, гражданин! Видите плякат, ясно написано: «Курить у вистюбиль».

– Я, товарищ, думал, это и есть вистюбиль.

– Ну, то уж дело не мое, раз вы, гражданин, слабоваты в иностранном языке. Мое дело ликвидировать порядок. А то только дозволю инерцию публике, так получится сама вахканалия. Платите без прений!

Заплатил я три рубля.

И правильно. Изучай иностранные языки вовремя, тогда тебе за вистюбилить никто штрафа не пришпандорит.

1928

Ответственность момента

В тот момент, когда аудитория была окончательно покорена силою ораторского красноречия, в тот самый момент, когда не только дежурный пожарный, но даже и члены президиума перестали зевать и начали внимательно слушать, в тот момент, когда сам оратор увидел, что его речь окончательно обошла все рифы и теперь спокойно полилась, как Днепр ниже порогов, – в тот самый момент в рот оратору влетела муха.

Оратор фыркнул, закашлялся, удивленно развел руками, словно хотел сказать: «Товарищи, в чем дело?», но потом решительно поймал муху кончиком языка и проглотил.

Конечно, если бы это событие произошло при других обстоятельствах, скажем, за обедом, можно было бы просто ликвидировать недоразумение. Выплюнул муху и баста.

Но плевать на сцене перед публикой да еще в такой ответственный момент было абсолютно невозможно: неэстетично, некрасиво и некультурно, тем паче, что оратор битых два часа говорил о культурной революции.

В бане

Жарко!

Шумят души, шумят краны с холодной и горячею водой.

В облаках мягкого пара бродят голые фигуры: толстые, тонкие, длинные, присадистые, худые – всякие.

Фигуры сопят, стонут, охают, ахают. Не от боли, конечно, а от полного, можно сказать, удовольствия.

Моются товарищи.

Старенький хлипкий банщик Тихон производит, как он любит говорить, «усякие системы» над очередным клиентом.

Клиент, толстый, шарообразный субъект, лежит на мраморной скамейке и сопит, как кузнечный мех.

– Давненько вы не бывали в нас, Сила Степанович, – говорит, намыливая клиенту бока, – давненько, лет пять не заглядывали... А в нас видите какой переворот у курсе политики произошел – настоящая тебе матимирхвоза... Не те времена, не те, что и говорить не двадцатый годочек... Тогда, бывало, если припоминаете, Сила Степанович, чтоб достать такого удовольствия, без аршинного мандата и не думай, и не гадай! А теперь – прошу покорно: за рубляшик, а если ты профсоюзный член – за 85 коп. парься досхочу... Это как в купе. А которая публика низкоразрядного достоинства – можно и дешевле... Да! А порядки какие были – срам. Холод, грязь, в парной никаких функций. Ежель благородному человеку по программе выпариться надо, хоть плачь... Повернитесь бочком, пожалуйста, надо еще и с этого фланга систему произвести...

Сила поворачивается своим здоровенным «бочком».

– Так что скажете про наше заведение, Сила Степанович? Наверно, в двадцатом и мысли не было, как можно из хлева такую картинку соорудить?

– Все это так, – бормочет Сила, – все оно, конечно, хорошо и даже дивно, а советская власть, безусловно, в чистоте понятия имеет и если б везде такая политика – лучшего и желать не надо... Но какая корысть, Тихон Радивонович, от той чистоты, раз душа твоя не знает покоя, раз ты, примером говоря, по профсоюзной линии свободное лицо... Ну вот, скажем, я. Ты меня спросил, почему я к вам долго не заходил. А причина тому, братец ты мой, очень простая и понятная... Сопричислен я, голубчик, к слободному алименту и помогаю правительству разные кампании проводить. Без меня ни одна кампания не обходится. Вот и теперь три дня как из дальних мест: принимал участие в снижении цен.

Последняя реплика заставила меня засмеяться. Сила опасливо оглянулся и, увидев меня, начал что-то тихо говорить Тихону. Я лишь разобрал: «Неосторожность... черт... еще чего доброго из тех... из смычкистов. Вишь, «глиста какая худосочная»...

Я отошел, чтоб не смущать Силу.

Вдогонку слышал только спокойный козлетон Тихона:

– А кто его знает: по голому человеку никакого хвакта кроме голого определить невозможно. Все мандаты в раздевалке остаются...

Маленький кругленький человечек полосовал веником высокую лысую фигуру по худой спине, и сладенький тенорок журчал:

– Я, дорогой мой Василь Дмитриевич, хожу сюда каждую субботу. Без гигиены жить не могу. Меня еще покойница мамаша с малства к гигиене приучила, побивши в палки на мне не один веник... Да и ревматизма моя жестокая того требует. А страдаю я ею, проклятушей, давно. Как прицепилась анахвема еще при царском гнете и не отпускает, хоть плачь. В Харькове за это время четырнадцать правителей сменилось, а она как засела и нет на нее никакой революции. Только тут и спасаюсь. Парок – от ревматизмы первеющее средство. И, благодарение Богу и советской власти, хорошо на этом фронте стало. Баня, она хоть и коммунальная, а все тут пунктуально содействует, а в парной еще и не всякая комплекция выдержит, сами увидите, Василь Дмитриевич.

В прошлую субботу я парился с приятелем своим Сергеем Ивановичем, так его, знаете, апокалипсический удар ударил.

Карету скорой помощи вызывали. Правда, Сергей Иванович необычайного корпуса человечеще и веса он по старой системе – на пуды – пудов восемь, а на разные там километры, может, и больше, кто его знает, а все ж таки... Вы, кажется, готовы, Василь Дмитриевич, так пойдете париться, Господи благослови...

Я пошел в раздевалку. Уже одетый Сила Степанович прощался с Тихоном и говорил:

– Хотя по-вашему, по-советскому, чаевые и есть позор трудящей личности, но я не могу без этого. На, возьми... А что, если та глиста еще моется?

– Моется, моется, Сила Степанович, покорно вас благодарю, моется.

«Глиста» одевалась.

И тут революция!

*Чтобы повысить музыкальность среди красноармейцев,
в Ленинграде организуют хоровые инструкторские курсы.
«Известия ЦИКа»*

То ли дело старые времена.

Музыкальность сама повышалась, ибо как выйдет, бывало, фельдфебель – этот инструктор и дирижер – да как загнет певцам несколько музыкальных реплик, так аж стены раздвигаются от «царя туре-ах-мед-ско-го» или от «цыц, Дунька, молчи, Дунька!»

– Снова басы не в ту астроябию попали!! Выше! Выше-е-е, растуды твою налэво!!! Тенора, грубээ-е-е!! Рабинович! Обозначай шаг на месте, а не крути задом, как холодногорская торговка. Тоже защитничек Отечества...

.....
Одно слово, методы были преимущественно практические, а теория играла роль подсобную и то в случаях, так бы сказать, экстраординарных.

– Ой, штось-то я, ребята, замечаю, что началась юринда. Разве это пэние? Стоят и ротом двигают для маскировки. И хоть бы один-два, а то таких неизвестных игоистов расплодилось штук сорок...

– Дежурный! Собрать после молитвы всех «неизвестных» – список я дам – надо теорию загнуть, хоть и не люблю я етой канифоли... Р-р-раз-зойдись!!!

.....
– Да!.. Так знаете вы, господа игоисты, што такое пэние? Для чего оно? Ты думаешь, Сидоренко, што ето так себе, «предмет» и больше ничего? А звесно ли тебе, необразованная твоя морда, што пэние кроме того, што веселит салдацкую душу, приносит пользу твоему ограниченному здоровью?

Оно розвиваить слизистую оболочку!!!

А как розвиваить, я вам, сукины сыны, сейчас объясню.

У каждого человека в горле есть клапан. За тем клапаном есть перепонка. Или, поученому, слизистая оболочка.

И вот, как ты поешь, из тебя – через груди – выходит напор из воздуха и дергает тую перепонку, как струну.

Значить, и грудям – розвития, и перепонке – розвития и... дурной твоей голове – розвития, потому как не будет через твою дурную голову от начальства замечания и не будешь ты без смены на кухне картошку чистить.

Вот что значит пэние!!!

– А ну, Сидоренко, вжарь на предмет репетиции «Поллюбила коваля»!

– На месте шагом ма-а-р-рш!!

.....
А сейчас?

Кончит тот инструктор курсы, приедет в свой гарнизон, соберутся красноармейцы в клубе или еще где там и начнется: теория музыки, сольфеджио, ноты, гаммы, разные там си-бемоли да до-диезы, модераты да в «пич-ті-кати».¹³

Ну, скажите, пожалуйста, скоро ли за такую кучею теории бедная слизистая оболочка дождется розвития?

А еще говорят, что...

Эх-х-х...

1925

Разочарование

Я, уважаемые товарищи, человек почти культурный и во всем полагаюсь на науку. Не могу, одним словом, без науки дыхнуть. Например, жена огурцы солит, а я стою рядом с «Подарком молодым хозяйкам» в руках и слежу, чтоб все по науке было. Подвернется, скажем, такая ситуация – надо сынку клизму поставить. Я беру «Сам себе врач» и, пока мой сын дерет горло, держась за живот, перелистываю триста страниц «Самого себе врача», нахожу

¹³ «Пич-ті-кати» – каламбур, напоминающий музыкальные термины типа модерато, стаккато, пиццикато.

то место, где говорится о научной постановке клизмы, и сынок мой начинает визжать уже от науки:

Вообще никто не имеет права упрекнуть меня в том, что я игнорирую науку. Ни в коем случае.

И когда я, прочитав в газетах (видите, и газеты читаю) о затмении солнца 29 июня, начал готовиться к этому всемирному событию. В этом ничего странного нет. Готовился я основательно. Читал «Вечернее радио», закоптил стекло, невольно вспомнил, что в начале войны 1914 года тоже было затмение солнца... Но вспомнил это между прочим, потому что уверен, что войны не будет: войны-то мы не хотим. А придется воевать, так пусть знают акулы, что мы готовы. Кстати, никогда не думал, что сахарин такой дорогой. Если сравнить с таранкой, выходит, что кило сахараина стоит, как пять пудов таранки. Ну, сахарин спрятал в радиоприемник, а что с таранкой делать – не знаю.

Кум Бензол Осипович надоумливал сделать из таранки матрац. Пожалуй, придется так и сделать. Немного неприятно, но ничего не поделаешь. Хочешь мира – готовься воевать».

Значит, про затмение. 29 июня проснулся в шесть. Позавтракал таранкой. В семь вышел из дому. Решил наблюдать на улице, как природа будет переживать это событие. Наука говорит (читал в календаре), что растения, а особенно животные, реагируют. Ладно. Началось затмение и вместе с тем началось мое разочарование в науке.

Действительно, товарищи, с затмением наука подкачала.

Истинно – видел. Безусловно, солнце потемнело с левого фланга. Вроде кто на него надвинул, а потом отодвинул обыкновенную сковороду. Да и то не смог на все солнце надвинуть, а лишь на половину.

Ну, надвинул! Ну, ладно! А дальше? Где смена явлений в природе? Где паника среди животных и растений? Не видел никакой паники. Правда, в трамвае на Пушкинской была свалка, так то совсем по другой причине. Высаживали гражданку какую-то, хотела пятилетнего сына провезти за трехлетнего и кричала кондуктору:

– У мне муж не знает сколько ему лет, а то он знает...

Так это у нас каждый день случается.

Животные держались спокойно. Лошади извозчиков, как и всегда, оставляли на мостовой нормальную дозу спецпрокорма для воробьев, собаки в намордниках тоже вели себя пристойно. Открытых выступлений против усушки собачьих прав не замечал. Козы? Да сколько тех коз в Харькове?.. Люди?..

Люди действительно реагировали, но как-то невыразительно. Каждый смотрит на солнце через черное стекло, а что у него в голове – поди узнай. Иной глядит на солнце, а сам, может, думает: «Не опоздать бы в должность, а то оштрафуют».

Люди – они всегда люди.

А паники не было абсолютно. Не то что паники, даже пьяного ни одного не видел.

Вот и верь после этого календарям, верь научным авторитетам. Ей-богу, еще одно затмение и я окончательно разочаруюсь в науке. А может, сделать это сейчас, не ожидая затмения? По крайней мере, хоть моему сыну будет легче.

Про удочку, рыбку и вообще

Лучшее развлечение летом – ловить рыбу удочкой. Когда человеку опротивеет белый свет, человек начинает удить. Разницы между этими двумя занятиями почти никакой, потому человек ничем не рискует.

Как же ловится рыба на удочку?

Плохо ловится, а чаще совсем не ловится.

Что такое удочка в целом?

Поскольку русскую поговорку «На одном конце червяк, а на другом дурак» в наших украинских разговорах применять несколько неловко, мы обозначим удочку так: удочкой называется снаряд, предназначенный для массовой перевозки в дачных и других поездах в направлении мест, богатых речками, озерами и ставками. В окрестностях, где нет железной дороги, массовую перевозку заменяют массовой переноской.

Удочка – вещь довольно сложная. Состоит она из удилища, лески, поплавка и крючка.

Удилище. Длинная бамбуковая или ореховая дубина, которой, отправляясь на рыбалку, очень удобно сбивать яблоки с самых высоких яблонь. Сбивать яблоки в чужих садах не рекомендуется. Для этого, кроме удилища, надо иметь в наличии еще и резвые ноги.

Леска. Тоже длинная, но уже не дубина, а нитка. Шелковая, или из английского шпагата, или из конского волоса. Важная деталь: лучше рыба ловится на леску, сделанную из хвоста смиренной коняги.

Особенность лески, независимо от материала, из которого она сделана, – запутываться как раз тогда, когда вы пришли на речку и собираетесь пустить удочку в «действие». И так запутывается, проклятая, что почти всякий раз приходится распутывать ее способом Александра Македонского.

Крючок, или рыба смерть. Это та часть удочки, которая имеет органическое свойство цепляться за все кроме рыбы. Цепляется за осоку, лозу, камыш, ваши собственные брюки, подводную корягу и иные не относящиеся к рыбе предметы. Автору довелось в прошлом году вытащить из Ворсклы обычные парикмахерские ножницы, но рыбы, по крайней мере в тот день, как и вообще во все лето, ни одной не поймал.

Поплавок. Поплавок исполняет роль сигнализатора. Он чрезвычайно точно и своевременно кивком напоминает вам, что насадка уже благополучно съедена и пора насаживать на крючок новую, ибо рыба, это нетерпеливое существо, мигом покинет ваши удочки и начнет есть насадку у вашего соседа. А это вызывает зависть. Убийственную охотничью зависть. В самом деле ужас. Вы собственными глазами видите, что рядом у Петра или у Грицька клюет и клюет, а ваши поплавки невозмутимо спокойны. Тут от зависти у вас внутри может нетерпячая жила лопнуть. Вообще поплавок невероятно важная часть удочки. По крайней мере он всегда показывает, что рыба в речке еще не перевелась и чувствует она себя неплохо, позавтракав вашей насадкой.

Некто из евангельских вождей сказал, что «вера без добрых дел мертва есть», вот так и на удочку без насадки рыбы не поймаешь.

Что же такое насадка?

Насадка (иначе – меню рыбьего столования) – это все, что насаживаете вы на крючок с целью поймать рыбу. Рыба хватается насадку, вместе с нею крючок и... Ах! Понимаете теперь, мы не ошибемся, если скажем, что насадка в сложной системе удочки играет роль заурядного провокатора.

Рыбьих провокаторов не счесть (по этой части рыба счастливее человека) – горох, пшеничка, каша, хлеб, макуха, червяки, мотыльки, мухи, кузнечики, жабы и живцы. Живцы – это маленькие рыбки: пескари, верховодки.

Лучшая насадка, в чем мы убедились на собственном опыте, это горох, пшеничка, каша и хлеб. Насадки, которые в одинаковой степени усваивают как рыбаки, так и рыбы. Этого не скажешь о червяках, мухах, кузнечиках, мотыльках и лягушках. Тут рыба *за*, а рыбаки категорически *против*. Несколько отдельно стоит макуха. Конопляную макуху есть можно. Посоленная она неплохая. Макуха из рапса, подсолнуха, льна значительно хуже конопляной. Очень горькая.

Но эти сорта макухи имеют прекрасную особенность. Чем больше сидите вы на речке, тем больше они приближаются по качеству к конопляной.

.....
Мы описали основные орудия, имея которые рыбак приобретает право мечтать о массовом уничтожении щук, карпов, окуней.

Теперь несколько слов о подсобных.

Сумка, или кошелка, куда вы имеете возможность положить хлеб, сало, селедку, воблу, яйца, спички, махорку – предметы, отсутствие которых скверно сказывается на результатах лова. Вывод: чем больше кошелка, тем больше шансов, что вы нес скоро отправитесь домой, следовательно, больше поймаете рыбы. Опыт подтверждает, что количество пойманной рыбы прямо пропорционально количеству потерянного на рыбалке времени.

Палка. Обыкновенная палка. Ее назначение защищать ваши брюки и икры от местных собак. Иные скептики могут возразить, что палка уж и не так необходима.

Автор же остается при своем мнении. В доказательство он довольно охотно демонстрирует следы собачьих зубов на правой авторской икре. Эхо тех времен, когда автор был скептиком и игнорировал советы мудрых рыбаков.

Некоторые советы для начинающих

Приветствие рыбака. Придя на реку и увидев, что какая-то кикимора уже сидит и удит, вы подходите, садитесь рядом и говорите:

– Рыбка плавает по дну!

Опытный рыбак, такой, знаете, рыбий волк, обязательно не глянет на вас, но скажет:

– Не поймаешь ни одну.

Считайте, что знакомство оформлено, и вы имеете право затеять короткий профессиональный разговор.

– Клюет?

– Садись, сам увидишь.

– Есть что-нибудь?

– Нет. Кроме тебя еще ни одного дурня не было.

– Так! А на что ловите? На макуху, говорят, хорошо берется.

– Берется и на макуху. А пока иди ты ко всем чертям. Чтоб не было близко и твоего духу...

Конечно, это нетипичный разговор, но приведенный отрывок свидетельствует о том, что вежливость и приветливость у рыбаков стоят не на последнем месте.

Как поймать много рыбы

Есть разные способы, но лучшим считается такой.

Заранее подмечаете, где ставят сети на ночь рыбаки-профессионалы. Ночью садитесь на лодку, тихонько подъезжаете и вытряхиваете из сетей рыбу в кошелку (видите, кошелка!) и отправляетесь домой. Надо лишь каждой рыбе крючком во рту проделать дырочку, чтоб потом было легче доказать, что рыба поймалась на удочку.

Этот способ – прекрасный способ. Среди рыбаков он имеет чрезвычайно поэтическое название – незабываемый способ. Забыть, сколько раз вас били и как вас би-или, действительно трудно.

Заканчивая статью, разве можно удержаться от призыва:

– Граждане! Хотите дольше прожить на свете – ловите рыбу!

Помните, самый живучий народ на свете – это удильщики.

Пример. Автору этих строк сорок с гаком. Удочкой орудует лет десять, причем незабываемым способом ловил за всю жизнь раз тридцать, не более одного раза за лето.

И, как видите, живой.

«Оскудение»

Председатель местного филиала союза охотников сложил газету и вздохнул.

– Снова...

– Что снова? – спросил секретарь.

– Да вот снова в субботу у Кулгиновки один утонул – за уткой в болото полез, – а один всадил заряд в спину какому-то селянину. Насмерть было не уложил. Надо что-то делать, Василь Гордеевич. Читал я недавно в одной столичной газете, что следовало бы таких горе-охотников водить на охоту с инструкторами. Может, и нам попробовать, как вы думаете? А?

– А что ж, давайте попробуем.

– Добро. Пишите постановление.

.....

Из лесу вышла группа охотников, человек, двадцать. Пройдя шагов двести, группа расположилась на небольшом бугорочке. Один из охотников, важный старичок в роговых очках, с палочкой и термосом на плече, снял шляпу, вытер лысину платочком и сказал:

– Ну и печет...

– Да, припекает, – ответил ему юноша, обвешанный патронташами, ягдташами. – Однако, Кирила Петрович, уже полчетвертого. Может, начнем?

– Сейчас начнем.

И в этом «начнем» слышалось что-то такое, будто Кириле Петровичу придется по крайней мере начинать или умирать, или садиться в специальное кресло зубного врача.

– Значит, почтенные товарищи, на прошлой неделе мы с вами штудировали утку. Уверен, что вы еще не забыли моих замечаний и указаний. Тема сегодняшней нашей лекции – заяц.

Заяц принадлежит к группе диких зверей. Водится преимущественно повсеместно. В природе существует много зайцев, но грубо, схематично, так бы сказать, их можно поделить на четыре породы: железнодорожных, радиозайцев, базарных и лесных (полевых, луговых). В данном случае нас, охотников, интересуют лишь две последние породы, то есть

базарные и лесные, потому как первые две породы изучают довольно усердно и не без успеха охотники железнодорожного контроля и агенты финотдела.

Значит, про базарных и лесных зайцев.

Из предыдущего моего замечания вы наверняка сделали вывод, что названия «базарный», «полевой», «луговой» и «лесной» зайцы перенимают от тех местностей, где они плодятся, живут, работают и исполняют разные обязанности, возможно, выборные, а возможно, и по назначению. Что такое базар, лес, поле, луг вы знаете из моих предыдущих лекций, но ради целесообразности коротенько напомним. Базар – это местность, где ваша мама закупает продукты, лесом называется общее собрание деревьев, лугом – пленум травы и сена, а полем – жилплощадь будущих французских булок, псковских печений и копеечных бубликов.

В этом месте Кирила Петрович закурил трубку. Аудитория придвинулась ближе.

– Идем дальше. Характерные признаки зайцев: короткий хвост, длинные уши, задние ноги длиннее передних.

Обличьем своим зайцы напоминают в некоторой степени небольших собак и поросят до трехмесячного возраста. Следственно, чтобы во время охоты вы невзначай не ухлопали щенка или поросенка, помните главное: зайцы никогда не гавкают и не хрюкают. Значит, если вы заметили где-нибудь зверину, которая, по вашему мнению, может быть и зайцем, вы, прежде чем стрелять, потихоньку подходите к зверине и нежно говорите: «цю-ци, цю-ци» или «пац-пап-пац!» И если после этого зверина не твякнет и не хрюкнет – стреляйте. Никакого сомнения: перед вами заяц.

Теперь переходим ко второй части нашей лекции, а именно: как стрелять зайцев?

Внимание, товарищи! Помните, что охотник не для того существует на свете, чтобы изучать зайцев, он призван истреблять зайцев.

Как же стрелять зайцев, чтоб: 1) не отстрелить себе руки или ноги (трудно в наше время добыть протез) и 2) не застрелить кого-нибудь из товарищей (хлопоты по организации похорон, подготовка к надгробному слову, алименты собаке убитого и т. д. и т. д.).

Во избежание этих неприятностей надо: а) точно установить, под каким градусом северной долготы или западной широты сидит или лежит заяц, б) под каким градусом (не водочным, конечно) стоите вы.

Определив все это, вы прикладываете ладони рупором ко рту и кричите:

– А-а-ау-у-у-у-у! Товарищи-и! Я увидел зайца! Он лежит на запад от меня под 42/88 северной широты. Сейчас стрел-л-л-ля-я-яю-ю-ю-у! Заряд полетит на северный запад! Кто там ходит, убегай или прячься! Пре-ду-преж-даю-у-у! Раз, два, три!

А потом уж спокойно стреляете.

Это когда заяц лежит. А когда заяц бежит, способы подготовки к стрельбе остаются прежние. Разница лишь в том, что всю подготовку вы проделываете быстрее, в зависимости от скорости заячьего бега. Вместо степенного «А-а-а-у-у-у-у! Товарищи, я у-уви-и-и-иде-е-ел» и т. д. вы кричите на одном дыхании живо-живо: «Товарищи, я увидел зайца, он бежит» и т. д. Если на вашу тираду заяц, как говорят, припустит, то и вы соответственно припустите.

На этом я заканчиваю нашу сегодняшнюю лекцию. Зачеты в воскресенье за две недели, тут же. Экзаменовать буду по программе:

Утка и ее влияние на психологию начинающих охотников, заяц и статистика несчастных случаев во время охоты, охотничья собака и ее миропонимание.

Аудитория принялась закусывать.

Солнце припекало.

Когда будут крематории

Как оно тогда будет?

А вот как.

Купил себе просторный шкаф или пристроил к стене полку, расставил там урны или, если ты патриот, опошнянские кувшины с прахом незабвенных и дорогих твоему сердцу покойников.

Пришли, например, к тебе гости.

Пока жена готовит закуску на радиокухне, ты, не допуская того, чтобы гости разглядывали альбом, рвали переплеты и слюнявили пальцами фотографии, подводишь их к полочке и начинаешь:

– Деда Кондрата пепел. Умер тогда-то. Знаменит был тем, что мог сразу съесть два жареных индюка, был, как бы сказать, уникам. Ведь сколько стоит свет, ничего подобного не было зафиксировано. И лишь после смерти деда Кондрата знаменитая пословица «Нет хуже индюка: одного мало, а два не съешь» вновь обрела право на существование.

Отец Михайло. При жизни преобыкновенный человек, после смерти прославился на весь мир. Сгорел в крематории за две минуты, тогда как простой упокойник горит минимум двенадцать минут. Удивлялись даже крематорщики.

А покойная мама Параска, жена его, стоит и говорит, слезы платком утирая:

– Ничего дивного, люди добрые. Покойничек, царство небесное, так наспиртовался за 75 лет жизни, что я все удивляюсь, как он живьем не сгорел.

– А это макитра с прахом тетки Килины, знаменитой лебединской бубличницы. Дородная была женщина – пудов на девять. В обычную урну не вошла. Пришлось макитру покупать.

А вот малюсенький кувшинчик с прахом дяди Миколы, известного украинского пролетпоэта. Еще при жизни так измолотили его критики и профессия, что пепла почти не осталось. На кувшинчике – видите? – вылеплена эпитафия, которую он написал за две минуты до финиша:

*«Жизненная закончилась история...
Небольшая очередь в крематорий –
И я умру... Оставляю вам
Горсточку пепла в икс грамм...»*

.....
Сели вы с гостями за стол, начинаете закусывать, а ваша жена вдруг:

– Знаешь, Остапчик, сегодня твой покойный папа именинник!

Вы к шкафу, урну с пеплом папаши на стол и:

– За потустороннее здоровье Михаила Кондратьевича! Ур-ра-а!

Гости чокаются с урною, и покойник принимает непосредственное участие в веселой вечеринке.

Можно даже пойти дальше: открыть крышку урны и плеснуть туда рюмку водки прямо в пепел: иллюзия участия покойника в вечеринке достигает всех ста процентов.

В наши дни это совершенно невозможно.

.....
Если кто из гостей намекнет, что ваша коллекция пепла родственников скромна, а его куда богаче, не отчаивайтесь. Выйти из этого не очень приятного положения довольно легко. Вы отвечаете счастливицу, что 18 урн вашей коллекции сейчас в ремонте. Красятся.

Это мгновенно повысит ваши акции. А если хотите, можно вызвать и сочувствие аудитории таким правдивым способом.

Вы, вздыхая, рассказываете, что вчера в шкафу № 2 скреблась мышь и бесовский кот, бросившись на нее, начисто смахнул с полки все урны. Кокнулось 14 урн с пеплом и две пустых, купленных случайно про запас для тещи и тестя.

Со стороны гостей сочувствие безусловное и счастливчик посрамлен.

.....
Так будет.

И тогда слова, которые пишут на крестах и памятниках, – «Дорогому, незабываемому» – действительно будут иметь значение. Сейчас, например, вас перебрасывают по профлинии из Харькова в Киев. Не повезете же вы с собой могилы и, конечно, все «незабываемые» сразу становятся забытыми. А тогда – раз плюнуть. Ящик, древесные опилки или дешевая вата и – поехали деды, бабы, тети, дяди и т. д. в Киев.

Одно только страшно. Это чтоб в те прекрасные времена не было жилкризиса. А то, понимаете, в шкафу на месте урн будет спать ваша дочечка Сатира, а на полке в кабинете пристроится ваш безработный брат Юмор Кондратьевич и временно проживет три года.

Если не будет жилкризиса – прекрасно все будет.

1927

Кино на селе

– Так говорите, Гурович, у вас в селе кинематограф есть?

– А то как же! Самый разнастоящий! Каждое воскресенье такое в школе разделяет!

– Интересно?

– Очень интересно! Спасибо нашим шефам, угодили, сказать бы, народу!..

– Давно он у вас? Расскажите, пожалуйста, как же оно так случилось, что и у вас, в селе, кинематограф появился?

– С охотой...

Началось оно так...

На Вторую Пречистую ходил по селу наш исполнитель Гарасько и наказывал, чтоб в воскресенье прямо из церкви «весь народ и которые женщины шли к сельсовету на сход». Оповестили, мол, по телефону из района, что в воскресенье приедут к нам в село шефы.

– Приедут, – проказывал Гарасько, – небеспрременно прямо из города на антанабиле, а потому не опаздывайте, граждане! Оно хоть и шеф, а все ж таки человек, и неудобно показывать свою полную индихвиренцию, когда человек старается, хоть и на антанабиле...

Явка, между прочим, добровольная, а потому, кто опоздает или вовсе не придет... говорить не приходится. Однословно, чтоб не жалеть ув последствии – приходите, граждане, все обязательно...

В воскресенье батюшка заранее кончили службу, и вся общественность направилась к сельсовету встречать гостей.

Действительно, приблизительно говоря, к обедней поре приехали.

Шеф – громадный мужичара пудов на шесть, в кожанке, в очках и с ним ладненькая тоненькая дамочка в красной косынке.

Свертелся митинг.

В почетный президиум избрали деда Юхима Первака – он у нас всегда тую должность сполнять.

Поздоровавшись с общественностью, шеф попросил Гараська немедленно отыскать хозяина того поросенка, что они антанабилем на выгоне задавили.

– Потому, – сказал шеф, – хоть мы и городские, а разумею, што поросенок не виноват. Собственность мы признаем и за пороссячий инвентарь убытки бесслвно выплатим. Не беспокойтесь!..

Но беспокоиться почти не пришлось – к сельсовету бежала, будто сумасшедшая, баба Палажка Совхозиха и так вопила на весь майданчик, что дед Юхим забрал себе слово и сказал шефу:

– Не иначе, дорогой товарищ из городу, поросенок Палажкин – ета активная баба зазря никагда не голосуит. Надобно побыстрей етую ораторшу остановить, пока она не распропа... гандировала антанабильную маму и вашего, извинить, папу...

Шеф согласился, вытянул троячку, и на этом торжественная часть митинга закончилась.

Далей слово забрал шеф и говорил долго-долго, часа два.

Говорил про все понемногу: про Китай, про попов, про кооператив, про школу...

Наконец, шеф надолго заговорил про какого-то «великого немого», что придумал аппарат и сейчас говорит лучше всякого говорящего.

Что от того немого великая людям польза стала...

Что можно с помощью того немого аппарата, сидя, примером, у нас, видеть, как люди в других странах живут, как они тую жизнь строят.

Одно слово, заинтересовал нас шеф очень, так что дед Юхим снова забрал слово и сказал шефу:

– А низзя ли, дорогой докладчик из городу, митинг приостановить, потому как собрание очень довольно, хотя и не обедало... А ваша милость, не можно ли нам на село такого, хоть поганенького, немого аппарата достать, чтоб и мы корысти ущипнули и из задних в передовые с вашей помощью перебежали?..

На это шеф отвечал:

– Дорогие граждане! Не беспокойтесь и не сумлевайтесь! Мы шефнюем организованно и позаботимся о том, что и у вас в селе будет кинематограф.

Потом шефы поехали.

Народ разошелся очень довольный и еще недели три живо обсуждали... как же повезло той Палажке, что содрала трояк за шелудивое поросся, которое и семигривенника не стоило...

А месяца через два привезли из города в школу аппарат, и теперь каждое воскресенье цокотит лихая чертовня и показывает...

Чего только не показывает!..

Конь в воздухе

Это как-то вечером. Принимаю радиослушательскую позу... Из этого вы делаете вывод, что у меня в квартире есть радио. Правильно, не ошиблись. Потому что я такой же ненормальный человек, как и вы, как и остальные.

Принимаю, значит, радиослушательскую позу – ложусь просто на кровать, сжимаю голову железным обручем, уши нагружаю наушниками, кричу на сына, чтоб замолчал, и слушаю.

– Алло! Алло! Говорит Харьковская радиостанция Наркомпроса Украины на волне четыреста семьдесят семь метров.

Это понятно.

– Алло! Алло! Балакучио Харковенчио радиочио штанцы Наркомпросио Украинио ин волнендо чио-чио-чио-метрио!

Это на эсперанто. Говорят, эсперантисты понимают.

Возможно.

– Сейчас начнется первый в мире шахматный матч по радио между Харьковом и Киевом! За Киев играют маэстро: Богатырчук, Рмузер, Погребиський, Гринберг, Поляк. За Харьков маэстро: Алехин, Григоренко, Ойстрах, Порт и Янушпольский.

– Киев делает первый ход д2 – д4! Харьков е7 – е6!! е7 – е6!! Очередной ход Киева в 6 часов 15 минут!!

– Алло! Алло! Киев! Киев! Слушайте нас! е7 – е6! е7 – е6!

И пошло, и поехало...

Вы же понимаете, что это значит? До чего мы доскочили?

Столица Украины – Харьков – первый в мире инициатор шахматной игры по радио. Харьков первый в мире полез в межпланетные просторы с конями, слонами, ферзями и пешками! Первый в мире!

Разве это не красиво? Разве это не заслуга?

Разве это не натолкнет организаторов матча на мировое первенство между Алехиным и Капабланкой сделать так, что шахматисты всего света будут следить за игрою лучших шахматистов и через минуту будут знать про каждый ход?

Пристегнуть радио к шахматам – прекрасная идея.

И Харькову, и харьковским шахматистам, пионерам в этом деле, – честь и слава!

Инициатива их не умрет – я уверен в том.

Я уверен и в том, что пробежит какое-то время, ну, месяц, два, год, надавлю я на соответствующую кнопку своей домашней радиостанции, отыщу Кубу, отыщу Капабланку и:

– Доброго здоровья, Рауль Хозович? Живеньки-здоровеньки? Может, вжарим с вами дебют испанских пешек? Что, согласие? Прекрасно! Ваш ход? д2 – д4? Хар-рашо. А я пойду коньком!.. Я, знаете, коньком!..

Такая может быть штука.

Международное положение

У меня сидит мой старый приятель Иван Максимович – почтенный середняк села Смычки, философ и член сельсовета.

Воспользовавшись приездом Ивана Максимовича в столицу, я нанял у него клуню для планового проведения летней отпускной кампании среди членов моей семьи.

Сейчас мы замагарычиваем эту смычку села с городом.

– Хорошо сейчас у вас на селе? – спрашиваю я. – Сеют сейчас... А там начнет всходить, зазеленеет... Приятно. Поле такое зеленое-зеленое...

– Да ничего, – говорит Иван Максимович. – Неплохо. Сеем, действительно. Надо. Международное положение, стало быть, показывает, что капитализм...

– А как Донец, Иван Максимович? Такой же широкий, как когда-то? Помните, как в десятом году мы с вами за сомами на ночь ходили? Хорошо так... Ночь теплая, лунная... Лодка плывет... А учитель, Гордей Петрович, раньше нас, бывало, приедет и уже сидит... На яме...

– Не удит теперь Гордей Петрович. Бросил. Некогда ему. Школа – само собою да кампании разные. Доклады да собрания. А он у нас по... международному положению всегда... Нагрузка у него...

– А развести костер на берегу, там, знаете, на поповском лужку под белой березкой? Ночь те-е-мная!..

– Эге! Вспомнили... Нет той березки. Срубили. На трибуну. Трибуна у нас теперь возле сельсовета из той березки. Как праздник какой или шефы налетят – речи с трибуны той про... международное, значить положение да и вообще...

– Жалко березку. Место ж какое! Берег крутой. Как разбежишься – да в воду! Аж дух забивает! Тогда еще сосед ваш Микола Крутой добре прыгал. С выкрутасами прыгал. Теперь, наверно, и он постарел, как и мы с вами?

– Э... Нет Миколы Борисовича. Помер месяц тому. Председательствовал он у нас в сельсовете. На годовщину Февральской революции доклад делал. С трибуны. А оно мороз. Начал про... международное положение, да так и не закончил. Что-то плохо ему стало. Месяц полежал и поховали... Хороший человечиха был. А что уж оратор! Бывало, выйдет да как двинет: «Товарищи!! Международное положение нашего сельсовета показывает... И пошел, и пошел... Талант был. Жаль...

– Ничего не поделаешь, Иван Максимович. Доля, значит, ему такая. Хороший был человек, сознательный. Припоминаете, как он когда-то, еще парубком, помещикова сына чуть не убил за то, что тот аиста застрелил? А какое горе было тогда на вашей клуне! Что с аистихой делалось?? На другой год не было уже на вашей клуне аистов.

– И теперь не будет.

– Почему же?

– Антенну на том месте поставили. Вот зимою. Для радио. В сельсовете радио, а на моей клуне антенна. Клуня ж у меня высокая, ни у кого такой нету. У нас теперь так и говорят: если б, говорят, не клуня Ивана Максимовича, так бы мы никогда и не услышали про... международное положение. А то почти каждый день.

Иван Максимович помолчал.

– Культура, знаете, – добавил он. – Пришлось поступиться аистом. Надо. Радио – великая вещь, сами знаете. Вот как-то товарища из Москвы слушали. Полтора часа говорил про... международное положение. Харашо! Сидишь в сельсовете, цыгаркой попыхиваешь и все тебе ясно: клуня, антенна, аисто семейство, Москва, сельсовет, я, кум Денис и... международное положение... Дивно...

.....
Сейчас Иван Максимович разговаривает с моей женой, а я себе думаю:

«Одни антенны, кажется, еще не разговаривают. Значит, в клуне будет неопасно. А вот у аиста положение междунар... Тьфу! Безвыходное положение у аиста».

Подход

Такое происшествие случилось в нашем театре. Кончился акт. Дали занавес. Аплодисменты. Актеры кланяются, то-се... А тут неожиданно переносные кулисы падают и одну артистку – главную роль играла – по голове... Ну, конечно, понесли на руках в уборную... Туда-сюда. Отливали водой, врач появился. Дал каких-то капель – очнулась... Но играть не может. А тут надо еще один акт доигрывать. Что делать? Директор бегает, администратор мечется. Послали за одной актрисой – нет дома, за второй – тоже нет... А публика галдит, ногами топает.

Директор наконец отважился.

Вышел на сцену.

– Так и так, несчастный случай, сами видели. Заменить товарища Канделяброву некем... Извините, спектакль окончен...

Так верите, такое в зале поднялось – не приведи Господь!

– Как?! – кричат. – Обманывать народ!

– Деньги взяли, так доигрывайте!

– Я, может, только для того и приходил, чтоб посмотреть, как в последнем действии ее зарежут!

– Такой у вас подход к зрителю!?

- Такое у вас обхождение с массами!
- А-га-га! Вот это номер! Без развязки домой идти?

Одно слово, скандал. Директор удрал со сцены, чуть не плачет. Кричит: «Это ж они могут до утра в театре сидеть! Любой ценой доставить Порцелянову, пусть играет за Канделяброву!»

А в этот момент за кулисами кто-то хриплым басом:

– Не умеют правильно подойти к массам... А как не найдут Порцелянову, что тогда? Начальство! Доверили б мне...

Директор за кулисы. А там сидит наш старый хорист Микола Карпович и спокойно ест колбасу.

- Это вы сейчас говорили?
- Я.
- Вы можете ликвидировать этот скандал?
- Думаю, что могу.
- Голубчик, выручайте!
- Ладно. Пускай дают три звонка. Я сейчас.

В зале немного стихло. Микола Карпович вышел за занавес и начал:

– Уважаемые товарищи! Не волнуйтесь. Сейчас начнем. Артистка Канделяброва пришла в себя... Мы, собственно, могли бы начать значительно раньше, но, знаете, произошла еще одна так себе история... На раздевалку, где висят ваши пальто, шубы, манто, шапки, напали бандиты... Да не волнуйтесь! Ничего не случилось. Просто бандиты связали капельдинеров и захватили много одежды... Какие именно украдены номера, сейчас мы...

Но никто уже не слушал Миколу Карповича. Публика повалила одеваться и через полчаса в театре никого не было.

Пошли мы потом в пивную, и Микола Карпович с нами. Выпили. И Микола Карпович выпил.

Спрашиваем его:

- Как вы додумались до такой штуки, Микола Карпович? Это ж гениально!
- И ничего гениального, – ответил он, наливая себе пива. – Просто надо уметь подойти к массе.

1928

ПЕТРО

Мы уже знакомили читателей с творчеством украинского сатирика Василя Чечвянского (№ 16, 2008 и № 44, 2011). Он родной брат классика украинской сатиры Остапа Вишни. Оба писали под псевдонимами, из настоящая фамилия Губенко.

У Василя Чечвянского (1888–1937) трагическая судьба: в разгар большого террора он был арестован и расстрелян. Что

касается литературной судьбы, она постепенно улучшается благодаря усилиям писателя и переводчика Анатолия Санжаровского. Анатолий Никифорович всячески пропагандирует творчество «Колумба украинского юмора». Сейчас, к 125-летию сатирика, он даже издал за свой счёт (!) сборник его рассказов «Радостная параллель» (М.: Книга по требованию, 2013).

Такое происшествие случилось в нашем театре. Кончился акт. Дали занавес. Аплодисменты. Актёры кланяются, то-сё... А тут неожиданно переносные кулисы падают и одну артистку — главную роль играла — по голове... Ну, конечно, понесли на руках в уборную... Тула-сюда. Отливали водой, прах повисился. Дал каких-то капель — очнулась... Но играть не может. А тут надо ещё один акт доигрывать. Что делать? Директор бегает, администратор мечется. Послали за одной актрисой — нет дома, за второй — тоже нет... А публика галдит, ногами топает.

Директор наконец отважился. Вышел на сцену.

— Так и так, несчастный случай, сами видели. Заменить товарища Канделяброву нечем... Извините, спектакль окончен...

Так верите, такое в зале поднялось — не приведи Господь!

— Как?! — кричат. — Обманывать народ!

— Деньги взяли, так доигрывайте!

— Я, может, только для того и приходил, чтоб посмотреть, как в последнем действии всё зарежут!

— Такой у вас подход к зрителю?!

Подход

— Такое у вас обхождение с массами!

— А-га-га! Вот это номер! Без всякого домой идти?

Одно слово, скандал. Директор удрап со сцены, чуть не плачет. Кричит: «Это ж они могут до утра в театре сидеть! Любой ценой доставить Порцелянову, пусть играет за Канделяброву!»

А в этот момент за кулисами кто-то хриплым басом:

— Не умеют правильно подойти к массам... А как не найдут Порцелянову, что тогда? Начальство! Доверили б мне...

Директор за кулисы. А там сидит наш старый хорист Микола Карпович и спокойно ест колбасу.

— Это вы сейчас говорили?

— Я.

— Вы можете ликвидировать этот скандал?

— Думаю, что могу.

— Голубчик, выручайте!

— Ладно. Пускай дадут три звонка. Я сейчас.

В зале немного стихло. Микола Карпович вышел за занавес и начал:

— Уважаемые товарищи! Не волнуйтесь. Сейчас начнём. Артистка Канделяброва пришла в себя... Мы, собственно, могли бы начать значительно раньше, но, знаете, произошла ещё одна так себе история... На раздевалку, где висят ваши пальто, шубы, манто, шляпки, напали бандиты... Да не волнуйтесь! Ничего не случилось. Просто бандиты связали капелъдинеров и захватили много одежды... Какие именно украинские номера, сейчас мы...

Но никто уже не слушал Миколу Карповича. Публика повалила одежаться, и через полчаса в театре никого не было.

Пошли мы потом в пивную, и Микола Карпович с нами. Выпили. И Микола Карпович выпил.

Спрашиваем его:

— Как вы додумались до такой штуки, Микола Карпович? Это ж гениально!

— И ничего гениального, — ответил он, наливая себе пива. — Просто надо уметь подойти к массе.

1928 г.

ВАСИЛЬ ЧЕЧВЯНСКИЙ
Перевёл с украинского
Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

Как я стал хулиганом

На станции Н., куда поезд прибыл в десять вечера, в наше купе вошел новый пассажир. В роговых очках, солидный брюнет лет сорока. Солидность была во всем: и в желтом новеньком портфеле, и в фетровой шляпе, и в коротком модном пальто.

Новый нам почтительно поклонился, спросил свободное место, важно достал кошелек и, подавая носильщику рубль, сказал:

— Спасибо тебе, братец. Тут уж я сам устроюсь.

Поезд шел.

Новый пассажир снял пальто и шляпу, не спеша разложил свои вещи, сел.

Минут десять все молчали. Правда, мы втроем досыта наговорились и нам уже не о чем было говорить, а новый пассажир, видимо, не хотел начинать первым. Наконец он не выдержал.

– Уважаемые граждане, – сказал новый. – Не найдется ли у вас стакана воды или нарзана? В обед, знаете, выпил немного и закусил паюсной, теперь пить, пить...

– К сожалению, нет, – ответил я. – А вы спросите у проводника. Может, у него есть вода. Новый вышел из купе, но быстро возвратился.

– Нет и у проводника, – вздохнул он. – Порядочки! В вагоне нет воды! Прямо хоть пропадай. А остановка только через час. Этот поезд скорый, на маленьких станциях не останавливается. Не знаю, что и делать...

– Ничего, – принялись мы утешать нового. – Потерпите немного.

– Придется, конечно. Но, понимаете, сейчас не девятнадцатый год в конце концов. Надо и о пассажирах думать. Такой случай...

Тут поезд начал сбивать ход и вдруг стал.

Мимо нашего купе торопливо прошел проводник.

– Что случилось? – посыпалось изо всех купе.

– Пойду узнаю, – ответил проводник.

Пассажиры повыходили из купе, начали выглядывать в окна.

Вскоре вернулся проводник.

– Точно пока неизвестна причина, – зевнул он. – Говорят, где-то впереди на перегоне крушение. Товарный с рельсов сошел. Схожу-ка я на станцию, узнаю поточней.

– Разве мы на станции?! – обрадовался наш новый сосед.

– Ну да, – ответил проводник. – На небольшой станции. Потому и стали, что семафор был закрыт.

– Вот счастье! – радостно сказал новый. – Значит, я смогу напиться воды. А то ж, понимаете, пропадаю. Так хочется пить!

И он подался за проводником.

В окно я видел, как они с проводником пошли по шпалам, подсвечивая дорогу фонарем.

Минут через десять новый вернулся с двумя бутылками нарзана.

– Крепко мне повезло! – довольно сиял он. Если б не эта катастрофа, пришлось бы целый час страдать. А теперь слава Богу! Хотел было из умывальника воду пить. А тут на тебе такая приятная неожиданность – товарный с рельсов сошел! Говорят, жертвы есть: санитарный вагон уже из Н. прошел. Вот такая история! Ну теперь ничего, можно дальше ехать. Две бутылочки нарзанчика да проводник обещал чайку принести. Поедем без забот, водички до Х. хватит.

.....

Наш поезд, простояв два часа, наконец, тронулся.

Все пассажиры спали.

Спал и счастливый брюнет, опорожнивший обе бутылки нарзана.

На станцию О., где мне нужно было выходить, поезд прибыл в четыре часа ночи.

Сидя в буфетном зале на станции О., я думал:

«На станцию Х. поезд прибудет в девять утра. Если послать телеграмму сейчас, она будет на станции Х. раньше поезда часа на три. Отлично!»

Я пошел на телеграф и послал такую телеграмму:

«Станция Х., пассажиру места 37. Вагон № 6 скорого поезда № 5/б.

Катастрофы на наших железных дорогах случаются не так часто. Поэтому, страшно беспокоясь о том, чтобы вы не остались без воды и не страдали, я налил в ваш новый портфель два чайника свежей холодной воды. Чтобы обеспечить вас максимальным запасом

питья, все содержимое портфеля я выбросил в окно. Я бы мог сказать вам это лично, но вы так блаженно спали, что я не осмелился вас побеспокоить. Всего вам наилучшего!»

Неужели? (К десятилетию Красной армии)

Товарищи красноармейцы!

Вот юбилей у вас.

Десять лет.

Бои.

Победы.

Достижения.

Усовершенствования.

И неужели все это без фельдфебеля?

Дивно! Не верится! Слово чести!

Говорят, у вас есть помкомвзводы, и комвзводы, и комбаты, а фельдфебеля нет.

А кто же вас на путь истины наставляет?

Кто из вас чудо-богатырей делает?

Кто же вам объясняет:

– Знамя есть полковая святыня и каждый солдат обязан защищать его до последней капли живота?

Кто?

Кто командует:

– Плавное председательство на-а-ачинай!

А кто во время муштры тычет пальцем и кричит:

– Убери эйо!

– Кого эйо, господин фельдфебель?

– Пузо убери! Чего ты эйо выставил? Пузо у солдата должно к спине прирасти. Понимаешь?!

Неужели теперь в ваших казармах не слышно такого специфического баска:

– Вольный определяющий Зегер!

– Чего изволите, господин фельдфебель?

– Вчерась приходила ваша мамаша и ходатайствовала нащот своих именин, которые будут сегодня.

– Так точно, господин фельдфебель!

– Так. Это было вчерась. А сегодня у вольного определяющего Зегера не по всей культуре блестят пуговицы на мундире и придется вольному определяющему Зегеру дежурить на кухне, а мамаше вольного определяющего Зегера справлять именины без ходатайства. Кр-р-р-рю-гом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.